

16+

Джейд Дэвлин
**АЙБОЛИТ
ДЛЯ КОРОЛЯ**

Джейд Дэвлин
Айболит для короля

«Автор»

2020

Джейд Дэвлин

Айболит для короля / Джейд Дэвлин — «Автор», 2020

Айболит спасал мартышку и оказался в Африке. А мне подсунули бронированного кота-ниндзю и похитили из родной клиники в другой мир. Работай, говорят, на благо чужого королевства. Ну, и замуж заодно выходи. За короля! Бонус такой, вместо зарплаты и выходных.

© Джейд Дэвлин, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	39
Глава 14	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джейд Дэвлин

Айболит для короля

Глава 1

– Здравствуйте. Анализы Наполеона пришли. Печень в норме, креатинин тоже. А вот липаза и панкреатическая амилаза – повышены. У него воспаление поджелудочной, потому что он и воюет со всеми.

Я сидела в своей любимой кафешке у метро, спокойно допивала кофе и рассказывала постоянной клиентке о результатах анализов ее любимого бультерьера. Пес, обычно дружелюбный, из-за болевого синдрома в последние дни оказался непривычно воинственным.

– Ждем за назначением после обеда. В четыре удобно? Не переживайте, воспаление снимем, боль уйдет, станет как шелковый.

После этих слов я ощутила на себе коллекцию любопытных взглядов, от влюбленной парочки за соседним столом до баристы за стойкой. Наполеона знают все, но никто не ожидал, что в XXI веке у него берут анализы.

Что там Наполеон! Не прошло и часа, как я избавила Цезаря от весеннего гона, а хозяев – от помеченных углов и тапок. Владельцы не хотели нести годовалого сибирца в клинику, лишний стресс. Любая прихоть за ваш счет, в данном случае – по полуторному тарифу. Именно поэтому у меня всегда с собой рюкзак с хирургическим набором плюс флакон с наркозом.

Мобильник опять засвистел влюбленной птичкой. На экране высветилось: «Чучундр». Дорогой сынуля – человек почти взрослый, шестнадцать стукнет через два месяца. На «Чучундра» не обижаются, я в его телефоне записана как «Малида» – мама Лида.

– Ма, привет! У меня идея на миллион!

– Сынуля, излагай быстро, – попросила я. Заодно подумала, что идея и правда на миллион. Миллион моих седых волос.

Идеи у Чучундра-Пети рождаются быстрее кошек и крольчат. Например, в три года сын ушел из садика искать отца, который попал в плен к пиратам. Это он сам нашел объяснение тому, что у других детей мама и папа, а у Пети папы нет. И вот как началось с пиратов, так и по сей день фонтан оригинальности все никак не иссякнет.

– Я придумал, как заработать много денег! Мы с Тохой будем развозить по квартирам кальяны. Я уже накреативил рекламный слоган: «Дым – в дом». Антон составил бизнес-план. А стартовый капитал...

– Сына, – сказала я как можно резче и увесистей, – никакого дым-в-дома и стартового капитала, пока вечером не поговорим. Понятно?

– Понятно, – ответил сын и тяжело вздохнул.

Злая мать обломала крылья будущему миллиардеру. Угу. И кофе кончился. Значит, пора двигать дальше.

Очередной чик-чирик поймал меня на пешеходном переходе. Звонил Иван Иванович Царевич, душа и старожил клиники. Есть два четко выраженных типа людей: суетохи и плюнтусы. Иван Иваныч – типичный плюнтус. Он никогда не будет звонить с вопросом «Лидочка, ты где, долго тебя ждать?», если не случилось как минимум извержения вулкана посреди нашей приемной.

– Лидочка, ты скоро? – спросил Иван Иваныч, и у меня екнуло сердце.

– Через три минуты. А что такое?

– Не телефонный разговор, – ответил Иван Иваныч.

Я ускорила шаг, пытаюсь по дороге понять – что же такое могло случиться? В любом случае клинику в обиду не дам! За своих коллег и нашего главдоктора Борменталья порву глотку. Перегрызу ее, как овчарка. Вцеплюсь мертвой хваткой, как алабай. И вопьюсь когтями в морду, как сервал.

В клинику – цокольный этаж высотки – вели восемь ступеней. Я не прошла и половины, как услышала громкий резкий крик.

В холле происходила настолько привычная история, что я печально улыбнулась, вспомнив анекдот про Вовочку, Танечку и дотошную училку: «Марь Иванна, мне бы ваши проблемы». Если бы все наши страхи и тревоги можно было свести к такому скандалу, я была бы счастлива, как дворняжка на колбасном складе.

Источником шума стала дама, высокая, ухоженная и очень энергичная. Ее энергия изливалась на Машу – нашего завхоза и ассистентку.

– Вы изуродовали Джесси! Выставка через неделю, Джесси не сможет выйти на подиум на трех лапах!

Джесси, флегматичный бельгийский гриффон, уютно устроилась на руках хозяйки, не собираясь участвовать в скандале. Все четыре лапы были на месте, только левая передняя – побрита и перевязана. Груминг, кстати, не самого высокого качества, так что дама хоть и крикливый, но не слишком опытный собаковод.

Я не мисс Марпл, но с первого взгляда восстановила картину произошедшего. Дама с собачкой явилась сдать кровь на анализ, опоздала к назначенному часу, и поэтому ей пришлось ждать, пока кто-нибудь из наших освободится. Женщина вышла покурить или позвонить, оставив песика дежурной. Федя, у которого именно в этот момент образовались свободные пять минут, утащил Джесси в процедурный кабинет и вместе с Машей осуществил стандартную манипуляцию – забор крови из вены.

– Посмотрите, что они сделали! – обратилась дама ко мне, почуяв начальство. – Я отвлеклась на минуту, они похитили собаку и успели ее изуродовать! Мне нужна справка об отсутствии бешенства и этого... леп... лептоспироза! Лучше бы я ее купила!

– Наша клиника выплатит вам компенсацию, если вы позволите взять у вас кровь из вены, не закатав рукав кофточки. Согласны? – коварно предложила я, подхватывая со стола большой шприц. Я умею говорить тихо, но так, что с непривычки народ жалуется на мурашки по коже.

Дама, сделав большие глаза, отступила от меня на шаг и быстро замотала головой. Интересно, в ее глазах я похожа на сумасшедшего доктора из ужастиков? С моими-то «полтора в прыжке и косынке дыбом».

Я мило улыбнулась, блеснула очками и потрогала пальцем нетронутую собачью лапу, грифоша тут же его лизнула.

– Взять анализ и не состричь шерсть невозможно. Организаторы выставки об этом знают, они ведь увидят дату на справке. За неделю лапа обрастет, тем более под присмотром такой ответственной хозяйки, как вы. И можно будет претендовать на медаль. Машенька, выпиши чек.

Короткий сеанс психотерапии прошел успешно. Дама не стала спорить, только поморгала на меня длинными нарощенными ресницами, расплатилась и удалилась.

– В следующий раз разбираться будешь сам, – сказала я розовощекому Феде, выглянувшему из дверей. – Сейчас беремся за Герцога. Иван Царевич, миленький, где вы там? Выходите, драконша ушла.

– Да если бы дело только в ней. – Наш профессиональный плюнтус возник словно из ниоткуда. – Я вам потом расскажу, сейчас давайте работать.

Вечером в клинике на часы можно не смотреть, а определять время по уходу сотрудников. В восемь испаряется Машенька. Ровно через пять минут – Иван Царевич, так и не успев-

ший ничего рассказать. Следом, в половине девятого, нас покидает веселый Федя. Правда, сегодня он задержался, а потом еще и извинился, перед тем как исчезнуть за дверь. К девяти вечера в клинике остались мы с Борменталем.

По традиции следовало уйти мне, а потом и капитану покинуть корабль. Но главдоктор, виновато вздохнув, попросил:

– Лидочка, выручи, пожалуйста. Меня позвали Алима спасать. Посиди до половины двенадцатого, подожди хозяев Дассена, а если они совсем припозднятся – подъеду и отпущу тебя.

Я вздохнула и кивнула. Алим – особая история, пожилой овчар одноклассника Борменталья. Пес с мочекаменной, его уже трижды вытаскивали с того света за огромный серый хвост.

Когда Борменталь отбыл, а я принялась разбирать стол, стало понятно, за что извинился Федя. Этот любитель здорового образа жизни утащил из моей коробки две последние капсулы кофе. Вот поросенок!

Я вздохнула, достала телефон, позвонила сыну, предупредила, что опять задержусь, и заодно провела заочную воспитательную работу. Преуспела или нет – не поняла. Чучундр выучил фразу «я тебя услышал».

Едва отключилась, позвонил Борменталь.

– Лидочка, привет. С Алимом порядок. Только вот...

...Псу полегчало, хозяин на радостях выставил бутылку коньяка. Короче, Анатолий Павлович за руль уже не сядет, еще раз проверит самочувствие Алима и вернется домой на такси. Мне надо дождаться хозяев Дассена, сделать пуделю укол и закрыть клинику.

Эх, Борменталь, Борменталь... Мужчина без изъяна – это кибер-обезьяна.

Я вздохнула, посмотрела на часы и поняла, что до половины двенадцатого еще порядочно. Успею не только сгонять в ближайший ночничок за кофе, но и выпить его в свое удовольствие. Уже открыв входную дверь, я вдруг увидела на столике для переносок забытое кем-то украшение – довольно массивный медальон на позеленевшей медной цепи, толстой, словно на ней собирались держать барбоса. Сама бляшка тоже не отличалась изяществом, довольно грубая стилизация то ли под иероглиф, то ли под скандинавские руны. Хм, кто-то из клиентов посеял? Оставлять тут нельзя, Белка, наша клиническая кошка, равнодушна к тому, что блестит и звенит. Сто пудов заиграет куда-нибудь под шкаф, а нам потом объясняться с забывчивым клиентом.

Спрятав безделушку в карман, я захлопнула дверь, подышала немного ночной прохладой и решила сократить путь до круглосуточного магазинчика через свой любимый пустырь. Это место, в тридцати шагах от клиники и в шаговой доступности от метро, неизвестно почему избежало точечной застройки. Его не любили собаки, прохожие, и даже бомжи никогда не устраивали среди сочной зелени своих пикников с аптечной настойкой.

А мне нравилась эта маленькая пустынная красота. Я шла в полутьме по невидимой заросшей тропке и мысленно насвистывала свой любимый марш ветеринара: «Чип-Чип-Чип-Чип и Дейл к вам спешат... Они спешат туда, где ждет беда». Заодно вспоминала короткий разговор с Царевичем о беде, явившейся к нам, как и положено, неожиданно-негаданно.

– «Вы нам только шепните, мы на помощь придем», – не знаю с чего, пропела я.

...А потом не поняла, что случилось. Ни вспышки, ни звука. Просто передо мной как из-под земли выскочили двое. И замерли в свете уличного фонаря.

«Ни фиги себе пациент», – охнула я, как всегда беззвучно.

Глава 2

На самом деле пациент – крепко сбитая кошка двойных размеров – был с хозяином. Если же говорить совсем профессионально, передо мной возникли два пациента: кошка с окровавленным боком и худощавый парень в буром плаще, возраста Чучундра, с серьезной кровотокающей раной – правый рукав был распорот от плеча до запястья, и с промокшей ткани на землю медленно падали черные капли.

– Шупа-шы-па-ши-пша-шапшапыш, – отчетливо сказал парень и поклонился. Уловил реакцию на моем лице, почему-то положил левую руку на холку своей крупнокошки и заговорил опять:

– Благородная глазиня, я буду благодарен, если ты поможешь мне и моей итакари.

Кто я?! Это он на очки намекает? Юморист. Ну хорошо, что не глазуня.

Углядел ключевую деталь моего облика. Или в подземелье, из которого он вылез, хорошее зрение – залог выживания?

Вся эта бесполезная философия мгновенно пронеслась по моим мозговым извилинам. Сейчас имел смысл лишь вопрос подземного незнакомца – я могла поклясться, что он или выскочил снизу, или появился в воздухе, но уж никак не встал с тропинки.

Будь парень один, можно было просто вызвать полицию и скорую – пусть решают, составить протокол или сразу в больницу. Хотя, конечно, жгут наложить пришлось бы в любом случае. Но пушистая спутница нуждалась в помощи. Как, он сказал, ее зовут?

Итакари. Необычное имя для необычного питомца. С ходу даже не определю видовую принадлежность, потому что... черт, не время.

– Иди за мной. Можешь взять животное на руки?

Парень застыл в недоумении. Потом присел на тропинку и опять обнял кошку.

– Пожалуйста, повторите ваши слова.

Иностранец, что ли? Или от потери крови в ушах звенит?

– Пойдемте со мной. Я вам помогу, – терпеливо повторила я. – Можете встать? Обопритесь о мое плечо. Ваша Итакари может идти сама?

– Я понял, спасибо, – после паузы ответил странный парень. – Мы можем.

В кармане засвистала птичка, и я полезла за телефоном, машинально отметив, как дернулись оба будущих пациента. Нервные какие... Ага. Дассена привезут через полчаса, отлично! Эти полчаса бездельем маяться не буду.

Ну что, пара вполне мобильна. Я шла не оглядываясь и слышала за спиной шаги и шорох лап.

Когда я входила в клинику, шаги стали чуть тише. Гость с удивлением глядел по сторонам.

– Первый раз в городе? – спросила я.

– Нет, – чуть помедлив, ответил парень, поглаживая кошку, – но я первый раз за гранью. Не думал... – И замолчал.

За гранью? Или он сказал «за границей», а я не расслышала? Наверное.

При электрическом свете я разглядела обоих. Парень, хотя телосложением напоминал подростка, судя по лицу, был заметно старше Чучундра. На щеке шрам, отчего левый угол рта приподнят и в сочетании с внимательным взглядом чуть прищуренных голубых глаз кажется, что парень все время саркастически усмехается.

Одет все же не в плащ, а в подобие спортивного костюма из странной на вид ткани – то ли кожа, то ли не кожа. Впрочем, сейчас чего только не наизобретали. На ногах мягкие высокие сапоги чуть ли не до бедра. И все это драное, словно он поссорился со стаей сов крупного формата. Или кошек. Вроде той, что жалась у ног.

Вот взяли моду тащить в дом диких животных. Есть умники, которые тигрят умудряются держать в квартире. Деньги есть – ума не надо. И этот, видимо, тоже решил поиграть в укротителя. Конец такой игры – звонок в полицию: «Приезжайте, в квартире дикий зверь, он напал!» Приезжают – и конец невинной зверюшке, которая лишь проявила свои инстинкты.

Зверюшка была величиной с рысь, если не больше, землистого цвета. Напоминала каракала – однажды принесли в клинику такую экзотику. Только уши этого кота были короткие и висячие.

Что касается ран, то мне показалось, будто бок бедняги прокогтил такой же серьезный хищник. Черт! А не с подпольных ли боев эта милая парочка? А что, хватает же у людей мозгов stravливать собак, почему бы не попытаться выставить дикого кота?!

Так, Лида, выдыхай, а то под твоим взглядом, похоже, сейчас задымится драная куртка незадачливого звероведа. Сначала лечение, а потом уже будем разбираться, откуда взялись экзотические гости и куда их сдадим – в полицию или в больницу.

Раны кота выглядели не глубокими, но обширными. Пожалуй, можно много не зашивать, буквально пару швов, остальное достаточно обработать йодом. И на часик капельницу с глюкозой и аминокaproновой кислотой, компенсировать кровопотерю.

Незнакомое животное – знакомые правила. Я надела на шею кошака пятнадцатисантиметровый елизаветинский воротник, а свои руки защитила перчатками.

– Мы не кусаемся, – сказал парень.

«Зачем это, доктор, мы не кусаемся... Р-р-ра-ай-й. Доктор, у вас рука в крови! Извините, это мы только с незнакомыми! И еще вы сделали нам бо-бо». В моей профессии так бывало с каждым. Иногда оставались шрамы.

Но в этом «мы» было что-то другое.

– А нас до этого прижигали йодом? – задала я риторический вопрос и приступила к манипуляциям.

Парень обхватил руками крупную кошачью голову. Так и хотелось добавить: «что-то шепнул на ухо». Однако его губы не разжались. Киса слегка дернулась, но даже не зашипела. Потом я приготовила капельницу и попала в вену с первого раза.

– В чем польза этого волшебства? – спросил парень.

– Я ввожу полезные вещества прямо в его сосуды, – пояснила я в стиле этого чудака. – Сейчас насыщается его кровь. Кстати, как его зовут? Итакари, кажется? Красивое имя.

– Нет, его зовут Локсер, – ответил парень. – Итакари – это не имя, это его суть. – И тут же сменил тему: – А нет ли у тебя, благородная глазиня, обычного насыщения?

Бабуся, можно воды напиться, а то я такой голодный, что ночевать негде... Ладно, сама виновата.

Я направилась к клиническому холодильнику. Своих припасов на работе не держу, посмотрим, чем помогут коллеги. От веганки Маши – банан, засохшее яблоко и йогурт на березовом молоке. От Феди остался гамбургер, надеюсь не надкусанный, плюс картонка картошки-фри. От Ивана Царевича – полкруга колбасы «Крестьянский двор» и такая же лежалая краюшка хлеба.

Кот дремал под капельницей, но поднял голову и принялся, а потом вопросительно посмотрел на хозяина. Показалось, будто они обмениваются сообщениями, ну, или переглядываются слишком разумно и многозначительно, как могли бы делать двое давних друзей. Мда, кажется, слегка переработала. А впрочем... некоторые животные умнее людей, мне ли не знать.

С котом парень делиться не стал, а тот не просил. Так что гость ел, не забыв поблагодарить.

Так, согласно сказке про Бабу-ягу, я добра молодца накормила, а его кота попарила в бане, если считать капельницу с глюкозой баней внутрь. Теперь колдунья получила право расспросить, куда добрый молодец путь держит.

Не. Сначала надо полечить самого молодца.

– Поел? – спросила я, когда поднос почти опустел. – Давай-ка, покажи руку.

Сообразительный парень вытер губы салфеткой и снял плащ. Я озадаченно моргнула. Раны выглядели обработанными, а еще... в паре мест я отчетливо увидела свеженаложенные швы. Это как?! А тело, изначально бледноватое, стало добротнo розовым. К тому же я заметила, что повреждения, полученные гостем – на руке и боку, – были почти симметричны тем, что украшали дремлющее под капельницей животное. И швы... там, где я накладывала их коту. Меня глючит или я даже манеру узнаю?!

Так, этого не может быть, потому что не может быть никогда. Значит, нечего и голову себе морочить, лучше делом заняться.

Я все же обработала раны хлоргексидином – парень не поморщился.

– Надо бы познакомиться, – предложила я. – Лида.

– Локсер, – опять ответил парень, – можно Локс.

– погоди, а разве не так зовут твоего кота?

– Это наше имя, – спокойно ответил он.

«23.00. Хозяин Локсер, питомец – Локсер, самец... неизвестного науке кота», – представила я запись в журнале. На очереди были другие вопросы.

– Скажи, друг, – указала я на будущий шрам, – что случилось? И где?

– Я собирал плоды айквы в королевских угодьях. Обычно таких сборщиков предупреждают, но на нас напали из засады.

Повисло молчание. Я поняла, что знаю об этом (или не этом) мире меньше, чем следует. И не понимала, хочу ли узнать больше.

– Неужели плоды айквы нельзя получить как-то попроще, без засад? – наконец спросила я. – Купить, например.

– Они не продаются и созревают только между двумя лунами в очаге. Нет смысла собирать их раньше или позже срока. Прежде эти деревья были доступны всем. Но с недавних пор все изменилось.

Я не успела придумать наводящие вопросы, которые позволили бы разобраться, что за напряженка в этом социуме и где он находится. В дверь позвонили.

Дассен пожаловал! Пожалуй, будет проще объяснить хозяйке, почему мне взбрело в голову сделать инъекцию в холле, чем вести в процедурную и знакомить с Локсером.

Я поспешила к дверям, открыла. И была отброшена внутрь. На пороге стояли два визитера. Джо Дассена и его хозяйки среди них не было.

Глава 3

На пороге стояли два парня. В сравнении с каждым из них Локсер выглядел сказочным принцем и вел себя как сказочный принц.

– Хозяйка, спасай, – сказал один из них, с почернелым лицом и чудовищно впалыми щеками. – Продай ампулы.

Второй молча протянул еще более грязную ладонь. На ней была куча мелочи и пара бумажек. В другой руке – нож.

– Быстро ушли! – сказала я. – Полиция уже едет.

– Не дури, – прохрипел первый наркоман. – За вранье мы оштрафуем.

Самое неприятное – они двигались на меня, вынуждая пятиться шаг за шагом и думать: что же делать? Таких не испугаешь. Какими же ампулами можно пожертвовать и что будет, когда они поймут обман?

Вот так я и впятилась в процедурную.

– Э, чо за глюк? – сказал первый парень, стремительно бледнея.

Я обернулась. За моей спиной стоял... мамадорогая. За моей спиной стоял здоровенный – под потолок! – монстр с рожей кота, когтями Фредди Крюгера и броней, как у черепашки-ниндзя!

Честное слово, еще секунда – и я бы завизжала, кинулась к родным понятным наркоманам и повисла у них на шее: спасите-помогите!

Но не успела, потому что наркоманы оказались то ли шустрее, то ли впечатлительнее. Один из них спер мою идею и завизжал таким высоким сопрано, что мне даже близко с ним не тягаться. Второй молча разинул рот, попятился, споткнулся и сел в корзину для использованных бахил, сразу провалившись поглубже и застряв.

Тот, который изображал приму Большого, мало того, что визжал не переставая, так еще и зажмурился, выставил перед собой свой режик и принялся размахивать вслепую.

Понятно, что монстру это не понравилось, тут я с ним прям солидарна. Зверь зарычал и прыгнул. Изящно пролетел мимо меня, только ветром обдало, с запахом какой-то дикой травы, поймал нож броней на пузе и опрокинул «солиста» на пол.

– Не убивать! – крикнула я, все же сообразив, что монстр – союзник.

Удивительно, но зверь услышал. Он лишь ударил настоящим, да еще и бронированным хвостом второго парня по тому месту, которое мужчины всегда берегут в бою. Но не всегда удачно. Парень, только выбравшийся из бахил, с воем согнулся и рухнул обратно.

Несколько секунд слышалось рычание, летели клочки, к счастью только курток. Потом зверьомонстр отпрыгнул назад, гордо выпрямился и уперся котобашкой в плафон на потолке, явно любуясь результатом. Оба гостя выглядели так, будто полчаса пробирались через самые колючие заросли на свете, попутно испытывая на себе некий генератор ужаса.

И жалко, и надо бы закрепить результат. А то повадятся в клинику, ампулы искать, а карманных монстров на каждый день у нас нет.

– Кому первому поставить конскую клизму? – справившись с дрожью в голосе и изобразив, что мы с монстром давно знакомы, спросила я, доставая из ящика длинный резиновый шланг угрожающе кирпичного цвета. С большой такой промывательной насадкой.

Если наркоман способен протрезветь, то это случилось. Оборванцы еще раз хором взвыли и, пробуксовывая на кафельном полу, как Том и Джерри из знакомого всем мультика, рванули наутек.

А я осталась наедине с монстром.

Ну что, не поддаемся панике, сначала запрем дверь, чтобы новых наркоманов ночным туманом не принесло. А потом... э-э-э... может, стоило схватить рюкзак и попробовать дать деру вслед за неудачливыми любителями ампул? И дверь захлопнуть с той стороны?

Да ну. Не оставлю я родную клинику какому-то монстру, пусть даже с кошачьей головой. Мы в нее столько труда вбухали, и вообще! Он вроде не кусается...

Когда я переварила все эти мысли, стоя возле запертой железной двери, и вернулась в смотровую, то обнаружила, что никакого монстра там нет. А есть котик и парень, в прежних объемах.

– Я все сделал правильно? – спросил человеческий фрагмент... Локса.

– Да, – ответила я, медленно переваривая в усталой голове информацию. Ну да, и дурак бы догадался, откуда взялся и куда делся монстр.

И тут зазвонил телефон.

– Ой, Лидочка, добрый вечер, будем через пять минут, – сказала хозяйка Дассена.

...За пять минут я успела вымести ключья одежды, протереть пол и отправить Локсов во вторую операционную. Сомневаюсь, что их монстрячья сущность возбудится на карликового пуделя, но кто его знает. Дассен имеет привычку орать как потерпевший, только увидев шприц.

Пудель и хозяйка удалились, получив ночной укол, и я опять занялась Локсами, только сейчас заметив, что после инцидента парень серьезно побледнел, а у кота потускнела шерсть. Я даже провела осмотр на предмет новых ранений, но их не обнаружила.

– Ложитесь-ка под капельницы, – предложила я. – Оба. Чай будешь? – И, не дожидаясь ответа, кинула в щербатую кружку-собачку – не помню, чей подарок, – сиротливый чайный пакетик и кусок сахара.

От чая Локсер порозовел, а кот под капельницей довольно замурлыкал.

– Какое удивительное питье, – сказал пациент. – Злодеи явились в твоё обиталище за ним?

Я не сразу поняла. Наркоманы, за чаем? Было бы прикольно.

– Могу заварить еще. Ты часто делаешь такие визиты?

– Нет, в первый раз, – чуть смущенно ответил Локс. – Но мне приходилось слышать рассказы про заоблачный город белой скорлупы.

– Объясни наконец, что такое белая скорлупа? – Неужели ко мне в насквозь земную и реальную ветеринарку занесло пришельца? Или я все же уснула на дежурстве и теперь имею удовольствие наслаждаться веселым сновидением?

– Вот она. – Локсер еще раз отхлебнул чай и показал на пустышку от йогурта.

Кое-что стало ясно. Мы и правда живем в мире пластика. Понять бы, из какого мира явился гость. И собирается ли он отправиться обратно.

Локс словно услышал мои мысли.

– Пора домой, я и так слишком задержался, – серьезно поведал он, вставая. – Тень Сна отошла от нас, мы скоро будем здоровы. Надо домой. Другие тоже нуждаются в помощи. Я буду благодарен, госпожа глазния, если ты проводишь меня на то место, из которого взяла.

Хм, странная постановка вопроса – я его, видишь ли, «взяла» откуда-то. А по-моему, он сам там взялся. Но ладно, не суть.

– Провожу, конечно, мне самой пора. – Быстро накинув куртку и подхватив рюкзак, я провела Локсов к выходу и погасила везде свет. – Пошли, тут два шага. Провожу, а потом вызову себе такси.

Черт, кажется, я забыла выложить из рюкзака хирургический набор. И кое-что еще – плечо прямо оттягивает. Вернуться и выложить? Да не, по закону подлости с утра настигнет домашний вызов.

Устала за день... но тут и правда два шага по тропинке, а от общего офигения необычным днем я прямо на полном серьезе уже думала, что эта странная парочка исчезнет так же, как появилась, – без следа и проблем.

Мы вышли на пустую площадку. Вот сейчас я поняла, что с ней и вправду что-то не то. То ли какое-то дальнее гудение, то ли дребезжание. Будто в глубине линия метро.

– Ты очень хорошая целительница, – сказал вдруг Локс, оборачиваясь ко мне и загоразживая тропу. – У тебя есть муж?

Ну и вопрос. Надо бы сказать: не твое дело. Но кот ласкался ко мне, взгляд парня был серьезным, поэтому я ответила правду:

– Нет. Счастливого пути.

– Ты очень хорошая целительница, – повторил Локс. – Извини, пожалуйста.

И тут произошло то, что я подсознательно ожидала. Парень исчез, кот тоже, зато появился давешний монстр. Ну да, пусть уходят единым существом.

А потом – то, чего я не ожидала. Монстр положил свои лапы мне на плечи. Спасибо хоть, когти втянул.

И земля ушла у меня из-под ног в полном смысле слова.

Глава 4

– Ты что натворил, мать твою кошачью за хвост и об забор?!

От собственного крика у меня зазвенело в ушах, а с высоченных разлапистых деревьев со странной фиолетовой корой с удивленными воплями сорвалась стая серебристых птиц и одним махом унеслась за рыжие скалы, торчавшие среди буйной зелени.

– Ты совсем охренел, кошак драный?! – Монстр только коротко жалобно мякнул и попятился, когда я со всей дури врезала ему коленом туда, где броня от черепашки-ниндзя уже закончилась, а ноги только-только начались. – А ну, верни меня обратно, придурок!

Вообще-то я вежливая, воспитанная и спокойная девочка. Да. С животными и их хозяевами по-другому просто нельзя. Но когда полужнакомый монстр без разрешения утаскивает вас неведомо куда, вы еще не так ругаться и орать будете!

– Гос-с-спожа глазиня... – просипел монстр, все еще держась обеими когтистыми лапами за пострадавшее место. – Прос-стите, но...

– Верни откуда взял, рожа клыкастая, а не то лапы переломаю, когти повыдергаю, хвост оторву и им задущу! – выкрикивала я, пытаюсь задавить в душе нарастающее тоскливое предчувствие.

– Не могу... – признался зверогад и развалился на составляющие. То есть на парня и кота. И оба шмякнулись оземь, отчаянно баюкая пострадавшие части тела. Ну да, по монстру-то я лупила коленом от души.

– Чего ты не можешь? – Я злобно рылась в рюкзаке, искоса поглядывая на свернувшегося клубком кота. Его мне было немножко жалко, в отличие от парня. – Сюда затащить смог? Вот и возвращай на место.

– Туда я могу только... на зов, – признался паршивец, с трудом разгибаясь и выдыхая. – Ты позвала, я пришел. А сюда... Если там тебя никто не ждет, почему ты так хочешь вернуться? Здесь ты нужнее!

– Кому нужнее?! Кто не ждет, придурок ты малолетний?! – снова обозлилась я. – С чего ты взял?

– Ты сама сказала, что у тебя нет мужа.

– А кроме мужа что, больше никто не важен? – Я уже немного успокоилась и перестала орать. И шипеть. Но сарказма в голосе не убавилось. – Умник хвостатый. У меня сын там остался, ты, чучело с ушами. И мама! И я тебе и уши, и хвост с корнем купирую и ампутирую без наркоза, если ты не скажешь, как отсюда выбраться!

– Не надо. – Парень попятился, а кот вскочил и быстренько спрятался за своим хозяином. Ну да, вообще-то, выдающиеся уши и хвост есть как раз только у него. – Я не знал... не подумал...

Кажется, до него дошло, что с мужем и прочими ждунами он здорово промахнулся. Прямо на лице написано. Я даже полыхать перестала, так явно он раскаялся. Хотя... что толку-то?

– Прости... но нам правда нужна твоя помощь, – пробормотал этот похищун иномирный. – Ты вылечила Локса. Но его раны не были по-настоящему серьезными и зажили бы сами. А в деревне есть морфы, которые без твоей помощи умрут. Или останутся калеками. Если ты не волеешь в них жизнь через волшебную трубочку и не зашьешь раны волшебной ниткой.

– О боже. – Я потеряла лоб и посмотрела на парня с котом со смесью жалости и раздражения. – Даже если я соглашусь посмотреть на твоих мор... марфуток. Даже если! Скажи мне, умный мальчик, ГДЕ я возьму среди этих ваших посторонних миров с деревьями и деревнями волшебную, мать ее, трубочку и, через колено бабушку, волшебную ниточку?! Они, если ты не заметил, остались там! В клинике! На Земле! А мы с тобой сейчас здесь!

– Ну... – вздохнул парень, – я знаю, что красть нехорошо. Но у меня не было другого выхода.

С этими словами он распахнул бурую куртку, и я глазам своим не поверила. Вся подкладка этого просторного предмета гардероба состояла из огромного количества карманов. И по этим карманам были распиханы...

Системы для внутривенного вливания, флаконы с физраствором и лекарствами, катетеры, шовный материал, ампулы...

– Ты что, все ящики в смотровой выгреб, жулик малолетний? – ошарашенно спросила я, рассмотрев уворованное. – Когда успел?

– Когда вы отлучились оказать услугу пожаловавшей госпоже, – ответил парень, слегка смущенный, как и все непрофессиональные воришки.

– Молодец, – немного растерянно сказала я. – Послеоперационные попоны и елизаветинские воротники не прихватил заодно?

– У меня было мало времени и всего шесть карманов, – совсем грустно ответил парень. В его голосе послышались интонации Машеньки, как всегда не написавшей список для аптеки: «Лидпална, я все помню» – и как всегда забывшей дексафорт или дюфалак. Я даже усмехнулась.

Смех – один из этапов стадии принятия. Но, блин, я что, готова принять все это? Похитили, забросили неизвестно куда – и я должна лечить этих зверюродов или людозверов?

Смех прочищает мозги не хуже чашки кофе. Ну да, я попала. Не в том смысле, что в другой мир, а в обычном смысле слова. А что, раньше не попадала? И экзамены заваливала. И на работе меня подставляли, под уголовную статью кстати.

А еще однажды застряла в далекой стране, с попугаями и мартышками, без языка, денег и авиабилета, зато с Чучундром.

Чучундр... Кстати, этап слез я еще не проходила. И не пройду!

Короче, всегда выбиралась. Выберусь и на этот раз...

– Гос-с-пожа, с вами все в порядке? – промурчал Локс.

– В порядке, – ответила я спокойно, но твердо и громко. – Я буду лечить ваших мор... морфов.

Так, Лидочка, мы входим в норму, мы запоминаем новые слова.

– Я буду лечить, а ты узнаешь, как мне вернуться. И запомни: нет ничего страшнее, чем обмануть ветеринара! Если ты поклянешься, но не исполнишь клятву, все, кого я лечила, засохнут или окаменеют!

– Госпожа, – тихо, но радостно произнес парень, – чем мне поклясться?

– Собой и всем, что тебе дорого, – сказала я как можно строже.

– Клянусь дневным и ночным светилом, клянусь той, что меня родила, и той, кого люблю, что буду денно и ночью стараться вернуть тебя в твой волшебный мир, – громко и торжественно заявил Локс.

– Пошли к твоим марфуткам, – вздохнула я. – Идти-то далеко?

– Полчаса, – ответил парень, и я подумала, что смогу проверить его правдивость. Или совет – недорого возьмет.

Когда злость и отчаяние отступили, я спокойно взглянула на мир, раз уж в нем пришлось задержаться. Дневное светило, которым клялся Локс, грело, но не палило. Все равно куртку придется снять. Травка, кустики перед глазами – все привычно. Интересней с деревьями. У одних была фиолетовая кора, у других – оранжевая, а некоторые стволы зелены, как листья. Не деревья, а набор разноцветных карандашей!

Под стать деревьям были скалы – рыжие и белые, с острыми краями. Я на всякий случай постаралась заметить точку входа в мир марфуток – на равном расстоянии между серебристым пиком и красноватой горой, чья вершина напоминала коровьи рога.

– Это – Лунное Копье, а это – Вечерние Весы, – ответил Локс, когда я спросила названия вершин.

Кстати, что приятно – мы понимаем друг друга. Оказаться непонятно где без языка – еще тот квест.

Немного погодя наша тропа обогнула подошву горы. Ее название я решила не спрашивать.

Внезапно кот мявкнул. Коротко, тревожно и резко.

Глава 5

– Госпожа, – спокойно сказал Локс, указывая на густой кустарник в стороне от тропы, – нам нужно спрятаться.

– Поверю на слово, – хмыкнула я и полезла в заросли вслед за хвостатым проводником. Локс-человек замыкал шествие, страхуя нас с тыла. Даже интересно, от кого мы прячемся?

– Надо зарыться в листья, они экранируют тепло тел, – озабоченно прошипел Локс, ставившая меня в какую-то яму и шустро забрасывая чем-то шуршащим, влажным и синим. Я разглядела широкие мясистые листья. Непонятно, что это за процесс: предзимний листопад или сезонная смена покрова? Потом выясним, а пока текущий момент очень уж напряженный.

Рядом так же быстро закапывался в прошлогоднюю листву кошак. Я прикрыла рот, потому что отплеиваться от местного перегноя мне не понравилось, и затихла.

– С ними маг. Он смотрит, – в самое ухо прошипел прижавший меня проводник. – Плохо... Морфы не должны владеть магией, это противоестественно!

– Кто бы говорил, – пробухтела я совсем неслышно, потому что Локс вдруг навалился сверху, пригибая мою голову к земле. Черт. Когда не видишь опасности, она кажется намного страшнее! Что там за морфомаг такой страхолюдный? И действительно ли я хочу это знать? И что я обнаружу раздавленным в рюкзаке, когда открою?

Сначала я услышала клекот, потом – странные звуки, напоминавшие хлопанье. Чего? Может, крыльев. Если так, то, судя по интенсивности шума, нас посетила стая каких-то орлов. Или птеродактилей.

Вот шум стих... но не потому, что пролетели. Послышались шаги неподалеку от того места, где меня закопали в палую листву и старательно утрамбовали сверху. Какой-то орлуша вполне по-человечески шагала по соседству.

Лучше бы я три дня на срочных вызовах отработала... котик покусай мою излишнюю доброту.

Несколько минут тянулись резиной, мне еще и дышать стало трудно под навалившимся сверху Локсом. Я уже было подумала, что черт с ним, пусть нас уже найдут, тогда я как минимум надышусь вволю. Но тут хлопанье возобновилось, стало удаляться и примерно через пять ударов сердца с меня слезли.

Одна неприятность закончилась. Интересно знать, сколько их впереди?

Я покинула кусты, поблагодарив их за то, что хотя бы не колючие. Не хватало оставить им в качестве дани за укрывательство ошметки куртки и рюкзака. Из рюкзака, кстати, ничего не капало – еще одна скромная удача. Если солнышко будет так же жарить и дальше, имеет смысл запахнуть куртку в рюкзак, учинив ему оперативную ревизию.

Интересно, а нам вообще далеко идти? Как-то не хочется покидать место, откуда я, чисто теоретически, может быть, если повезет, могу попасть обратно на пустырь возле клиники.

Между тем Локс начал достаточно быстро и аккуратно стряхивать с меня листву. Рядом усердствовал кошак, поднявшись на задние лапы, как лев со шведского герба. В другой ситуации такая картинка меня изрядно повеселила бы. Но мое чувство юмора застряло между мирами, поэтому этот цирк с конями и морфами меня не радовал.

– Извините, госпожа целительница, – смущенно сказал Локс, – вы не сердитесь за то, что мне пришлось немного грубо и торопливо?..

– Извиню, прощу и амнистирую, – прервала я излишние, – если ты или хотя бы твой кот расскажете мне: у вас всегда так стремно или только в честь моего визита?

– Нет, – искренне вздохнул Локс, – все началось недавно. Мы были вольным народом, ну, почти вольным. У нас был свой князь. Например, когда мы хотели собрать айквы в княжеской роще, старый Студ разрешал это нам с условием, что каждый, выходя из сада, положит один

плод в корзину у калитки. Нам казалось, что это несправедливость: деревья айквы высоки, колючи, а есть ли на них плод, можно понять, только когда залезешь на верхушку.

– А потом стало ясно, что это льготный режим? – предположила я.

– Потом дом Студа стал логовом Пустоглазого. Нам разрешено собирать айквы, но, выходя из сада, мы должны положить всю добычу в корзину и оставить себе один плод.

– Но что же произошло? Вы разочаровались в этом Сты... в этом Студе?

– Нет, но мы сделали глупость, – ответил Локс. – В начале войны Пустоглазый сказал, что воюет только со Студом и его братьями-воинами. А мы ни при чем. И можем не вмешиваться. Мы остались в своих поселках ждать исхода битвы. Когда она закончилась, стало известно, что у нас новый князь, который теперь называется «король», и наша жизнь тоже будет новой.

Рассказ давался Локсу непросто, но, спасибо, он не забывал поглядывать по сторонам. Я любовалась окружающим миром, оказавшимся гораздо проблемней, чем думала вначале. Гребаное средневековье, проще говоря. Только этого мне не хватало... Если вспомнить общественную гигиену тех времен, доктору, даже звериному, сразу как-то очень грустно становится. И это еще если не учитывать крепостной строй, феодальную раздробленность, религиозные войны и охоту на ведьм, к которым я, возможно, отношусь по нескольким параметрам. Очкам, например. Уф-ф.

Пока я себя жалела, мы обогнули небольшую скалу и спускались в низину. Среди густой и даже на глаз сочной травы тянулись цветы, отчаянно конкурируя ароматом за внимание таких же красочных насекомых. По сторонам от дороги синели, желтели и розовели рощи. Даже издали было видно, что ветви ломаются от плодов. В таком симпатичном мире воевать и портить друг другу жизнь – невообразимое свинство.

Что поделать? Люди почти везде одинаковы. Даже если умеют сливаться с кошкой в общемонстра. А в принципе, вспоминая фильмы и книги про средневековье, где вечно серо, мокро и противно, все не так плохо вроде бы.

Тут Локс снова заговорил: видимо, почуял, что у меня немного исправилось настроение, и решил повлиять на этот факт.

– С каждым днем, точнее ночью, нам все труднее добывать нужные плоды и корни, не нарушая новые законы. Поэтому многие морфы ранены или больны. Кто-то пострадал от оружия, кто-то – от колдовства. И когда я почувствовал, что существует человек, способный помочь... когда вы меня позвали...

«Да-да-да, у них ангина, скарлатина, холерина, дифтерит, аппендицит, малярия и бронхит», – вспомнила я сказку, которую положено знать каждому ветеринару. Теперь я попала в эту сказку, да еще в ухудшенном варианте. Ведь там еще был Бармалей. Но он, как помнится, всего лишь мешал лечить обезьян, а не создавал им диагнозы. Похоже, здешний Бармалей гораздо зловреднее.

– Э-э, а когда это я тебя звала? – Действительно не помню такого.

– Вы сказали заклинание. О том, что придете на помощь всем, кто нуждается в помощи. И я пришел на ваш зов.

– Зашибись... песенку уже спеть нельзя, – проворчала я. Нет, правда, от Чипа и Дейла такой подлянки никогда не ожидала. Вот тебе и диснеевские мультики, заклинания у них там зашифрованы. Это вообще как?!

– Госпожа целительница, давайте решим... – сказал Локс, но не договорил.

Глава 6

– Ох, кого я вижу, если не врут мои глазоньки!

Навстречу нам энергично шагала пожилая дама в широкой цветной юбке. За ней так же уверенно бежала пегая коза.

– Тетушка Долна, – шепнул Локс. – Не бойтесь, госпожа целительница, она почти всегда добра и миролюбива.

Интонация у моего спутника была такая, что, похоже, меня-то он уговаривал не бояться, а вот сам иллюзий не питал. Я оглянулась на него, оценила степень встревоженности и предпочла остановиться, а Локс вдохнул поглубже и сделал несколько шагов вперед.

– Ох, племянник дорогой, мертвенький или живой? – быстро и нараспев сказала тетушка Долна, приближаясь к нам со стремительностью вражеской подводной лодки. И тут же, без паузы, шарахнула Локса длинной палкой пониже спины. Бедняга попытался отскочить, удар пришелся по касательной, но все же был эффективным, судя по красноречивому «ой!». К счастью, коза не присоединилась к расправе. Животина флегматично встала в трех шагах и не менее философски зажевала пучок особо сочных и аппетитных стеблей.

– Оф-ф-ф, тетушка, за что? – проныл Локс. Кот, вместо того чтобы вступить, спрятался за ногами двуногого хозяина и прижал уши. Или двуногой половинки – я с этими марфутками до конца еще не разобралась.

– Не за что, а почему? – уточнила тетушка, прицеливаясь звездануть парня еще раз. – Если ты мертвяк поднятый, тебе не больно, а если живой поганец – поделом.

– Тетушка...

– Я тебе дам «тетушка»! Мать все глаза выплакала! Ариска переломанная лежит, того и гляди калеккой останется, сын вообще пропал, не иначе погань крылатая утащила! А он гуляет, смотри, с девками!

А, вот и мне прилетело ни за что ни про что. Эх, тетка, я девкой была примерно тогда же, когда и ты, судя по всему. Но лучше сохранилась, конечно. Не увлекалась мучным и жирным!

– Тетушка Долна!

– Что «тетушка», что «тетушка»?! Помру я с вами, узнаешь тетушку! На дядьку Джоя порчу навели, он вряд ли до ночи доживет! Тебя по кустам искать, то ли живого, то ли мертвого, а то и взятку падали крылатой собирать, чтоб вернула, коль спапала! Сестра-то видела, как твоя кровяца брызнула. А в это время...

– Да дайте же мне сказать! – вспылил наконец Локс. – Я не шлялся! И это не девка! Это целительница, и она согласилась нам помочь!

Ни фигя себе, согласилась! Посадить бы тебя или вас вдвоем на цепь, чтоб ходили вокруг дуба и песни пели, как сами согласились!

Но злиться не было времени. Пора познакомиться со вторым обитателем этого мира – патруль, от которого мы шуганули в кусты, не считался.

Тетушка наконец-то осознала, что племянник не просто подружку выгуливал, и шагнула ко мне. Коза прыгала следом с недоеденной травой в зубах.

– Так вы этого недотепу полечили? Ой, и лицо-то у вас волшебное, и глазки у вас удвоенные. У синих колдуний мастерству учились?

– Она не с Синей горы, – уточнил Локс. – Она нам на помощь пришла.

– Значит, появленка, – воскликнула тетушка. – Пойдемте скорее, может, вы еще успеете помочь!

Появленка, надо же... интересные у них тут слова. Красноречивые. На каком, кстати, языке? Я слышу русский, но вот чего-то прямо сомневаюсь.

Тетушка тронула козу за рога, и в ту же секунду передо мной появилось некое парнокопытное величиной с небольшого коня, столь же пегое и рогатое, как исходный образец. Я испугалась, лишь когда козаконь или козакобыла слегка подогнула ноги, недвусмысленно приглашая меня сесть на спину.

– Госпожа целительница, вы не упадете! – заверил меня Локс, помогая взгромоздиться на тощую спину. – Держитесь за рога! Нам недалеко.

Спасибо моим свободным джинсам. Седло не помешало бы. Ну да ладно, «недалеко».

Коза двинулась на удивление ровным и плавным, но при этом быстрым шагом. Локс и кот не стали соединяться: парень бежал рядом, придерживая меня за руку, а кот пылил впереди, будто коза не знала дорогу.

– Это твой-йя родная тетя-тя? – шепнула я, немного трясась.

– Она, пыф-ф, уф-ф, воспитывала нас, когда родите... пыф-ф-ф... были заняты, – ответил слегка запыхавшийся Локс.

Мой застенчивый похититель по мелочам не врал. Не успела я разочароваться в средстве передвижения, как увидела зеленую ограду поселка. В ворота мы въехали без труда – они были выломаны. Локс пытался рассказать когда и кем, но я слышала лишь «уф-ф» и «пыф-ф-ф».

Я глазела по сторонам – все же какая-то цивилизация, пусть и средневековая. Особо страшной грязищи и тесноты не было. Домики – хижины из веток, приросшие к огромным деревьям. Или аборигены совсем не мерзляки, или морозы здесь не частые гости.

Обитателей разглядеть было труднее. Тетушка Долна уверенно везла меня к пункту назначения.

Уже скоро я увидела особо широкий и раскидистый ствол. Домишек вокруг не было. Зато рядом меня ожидали несколько самых разных существ, в порядке очереди. Если бы я была циником, то добавила бы – «еще живой очереди».

Первая, на кого я обратила внимание, была девица, чем-то похожая на Локса. Рядом с ней сидела сова, точнее сыч, габаритами с трех обычных сов. Или филин? Вот тут я не спец, признаюсь. Так, по верхам. Впрочем, для ветеринара в первую очередь важны не размеры, а состояние пациента. С этим у птицы было совсем не в порядке: правое крыло окровавлено и так вывернуто, что сомнений нет – сломано.

Локс метнулся к девице, да так быстро, что по дороге на миг слился в прежнего боевого монстра. Но, сообразив, что это не самый человеческий вариант общения, рассоединился в следующем прыжке.

– Ариска! – крикнул он, упав на колени рядом с лежащей девушкой. – Тортырра! Арька, ты как?!

– Живая, – бледно улыбнулась его сестра. – Ты же видел, что к ним подросла крылатая стража. Козлы летучие! Сеть бросили, представляешь?! А потом кто-то с земли из ручного камнемета... когда я под сетью проскользнула. Я на них валун с острого края уронила и потому сумела ногами убежать... и Вардис тоже успел. Так что все живы, один ты... где-то шляешься!

Как ветеран суставной боли и ревматик со стажем, я отметила: а молодец девчонка, терпит, как... даже хватает сил рассказывать и ругаться. Это не просто спокойствие, а стоическое претерпевание боли.

Еще я подумала, что ветеринары делятся на две категории. Первая, самая мудрая, никогда не берется лечить птиц. Вторая, самая наглая, делает вид, будто умеет. Говорят, есть третья, которая лечит, и успешно... Похоже, мне грозит принудительное зачисление во вторую категорию.

– Сломано крыло? – то ли спросил, то ли подтвердил Локс. И голос у него был такой, словно он это крыло уже похоронил. М-да, притащить-то он меня притащил, а вот в чудеса не верит. Ну или в меня не верит. Свинота кошачья.

– Ну сам видишь. – Бледные губы девчонки сложились в кривоватую усмешку. – Еще ребра. Да ерунда! И вообще. Долна сказала, ты целительницу привел, так не стой тут столбом, давайте к дядьке Джою! Ему уже не хватает сил разделиться. Если не помочь прямо сейчас, можно только попрощаться.

Глава 7

Джой... Это тот, на кого вроде бы навели порчу.

– Он был ранен колдовской стрелой, – уточнила Ариска, будто услышав мои мысли. – Мы вынули стрелу, но порча осталась и разрушает тело. Помогите ему... пожалуйста! – И так на меня посмотрела, что у меня в затылке заныло: я ветеринар, а не волшебница.

– Постараюсь. Где больной?

Локс, сестра и тетушка Долна повели меня к самому проблемному пациенту. Я его увидела почти сразу, и мне увиденное категорически не понравилось.

В тени высоких ветвей лежал то ли огромный пес, то ли волк. В его крупной морде было что-то человеческое. Несчастный дергался, будто танцевал страшный лежачий танец, разбрасывая лапами землю и клацая пастью с могучими зубами.

На одну секунду я взглянула в желтые глаза, звериные и человеческие одновременно. И провалилась в прошлое.

Я снова в клинике. Может, в первый день, на первом дежурстве. И нет ни обид, ни интриг, ни разочарований, даже Чучундра как будто нет. Есть только эти глаза, звериные и в то же время такие разумные, поймавшие твой взгляд и успевшие крикнуть: спаси! Кроме тебя, этого не сделает никто.

Шум вокруг ударил по ушам, солнечные блики в трепещущих листьях дерева вместо ласкового тепла вдруг впились в виски яростным жжением и невыносимо яркими вспышками, я словно почувствовала зарождение новой судороги в теле великолепного когда-то волка.

– Всем отойти! Молчать! Не мешать! Не дышать! – Кажется, я орала, но, может быть, мне только показалось. Главное – послушались. Черт-черт-черт! Ему бы не на улице, его надо в темное тихое место, но я не знаю, сколько он уже так мучается, и не уверена, что его успеют куда-то донести. Может быть, он вообще жив только потому, что не просто волк, а морф, у них, похоже, живучесть невероятная. Но счет явно пошел на минуты...

Так, соберись, Лидия.

– Покрывало! Много покрывал несите, и палки! Мне нужен навес над ним и тишина! Да бегом же!

Выкрикнула, а сама лихорадочно стала перебирать трофеи, который наворовал в клинике Локс. Надо же, не заметила, когда он успел выложить их на мою куртку. Так... ага. Самое необходимое для первого этапа реанимации у меня в рюкзаке. Я почти не глядя выхватила из него флакон с золетилом – препаратом для наркоза – и первый попавшийся шприц. Набрать препарат по сотым долям я смогу в любой.

Пока пальцы тянут поршень, голова рассчитывает дозировку, а в уголке сознания возникла история восьмилетней давности. Как учебный ролик.

На полу клиники распростерся Зигмунд, великолепный зенненхунд. Жил на своем участке, какой-то оглоед кинул через забор кусок колбасы со стрихнином. Меньше чем через час уже был в клинике. И так же корчился в страшных судорогах. И я знала, что на верхней точке очередной конвульсии у него может остановиться сердце. А самое страшное – я не знала, что делать. Так и стояла, уставившись на него в бессильном оцепенении.

К счастью, Борменталь еще не укатил домой на своем велике. Не снимая шлема и перчаток, совершил чудо. Уже к утру Зигмунд был на ногах.

Потом окрестные жители объединились, вычислили мерзавца и накормили его же колбасой, вроде не до смерти. Это хорошо, но собаки с таким диагнозом в нашу клинику восемь лет не поступали.

Значит, мне предстоит повторить волшебство, которому была свидетелем. Ладно, не в первый раз.

Тем временем в шприце уже было 0,8 мл золетила. Масса Зигмунда была килограммов под шестьдесят, а этот волк-оборотень потянет... минимум на девяносто. Значит, нужно в полтора раза больше.

Теперь мне был нужен ассистент. Благо мои вопли о темноте и тишине не прошли даром: вокруг умирающего зверя словно сами собой в землю воткнулись крепкие шесты, на которые все окрестное население побросало кучу тряпок и покрывал. Вышел тесный, но достаточно темный шатер. То что надо...

– Локс, держи его заднюю лапу. Крепко держи, не давай дергаться!

Локс, как выяснилось, отличался понятливостью, реакцией и, к счастью, силой. Он в железной хватке зажал заднюю левую лапу волколака и сел на корточки. Я быстрым движением нащупала мышцу под серой гладкой шерстью и ввела иглу. Так... так, собачка, спокойнее, спокойнее... сейчас... Главное – не ошибиться с дозировкой... но я не ошибусь!

Уже через две минуты судороги начали ослабевать. Мозг волка, отравленный местным аналогом стрихнина, издерганный звуками и светом, медленно погружался в сон. Вот так, хвостатый... поспи. Спи крепко и не просыпайся, пока не поправишься, понял? Я не знаю, как ты сумел дожить до моего появления, но теперь я тебя не отпущу. И плевать, что ты не собака и даже не волк, а непонятный морф. Я все равно тебя вытащу.

– А теперь – полнейшая тишина, – тихо сказала я, очень медленно и осторожно убирая руки от расслабившегося мехового тела. Потом подняла голову и посмотрела на окружающих. Ага. В палатке только Локс, а у входа замерла Долна. Эти поймут. – Любой звук может разбудить его, и тогда снова начнутся судороги, которые рано или поздно остановят его сердце. Джой погибнет. Никаких резких звуков. Вообще никаких звуков. Стонать, страдать, ржать и гавкать – подальше отсюда.

– Да, госпожа лекарка, – благоговейным шепотом ответил Локс, а Долна серьезно кивнула и исчезла, а еще через пару секунд я услышала, как она сердитым шепотом разгоняет толпу взволнованных зрителей. Даже удивительно, какие, оказывается, они дисциплинированные, эти средневековые странные люди-звери. Судя по едва слышным шагам – рассосались в момент. На цыпочках.

Первоочередное дело сделано, работаем дальше. Только накрою больного еще одним покрывалом, чтобы даже лучик света от входа его не побеспокоил.

После этого у меня на очереди был осмотр трофеев. Благодарить воришку Локса я не собиралась. Но спасибо за литр хлорида натрия в пластиковом баллоне. Когда я работала на дому, на что только его не вешала – на гвозди от картин, торшеры, вешалки. Если рядом с лежанкой пса или кота была голая стена, вешалкой-штативом у меня работал добрый хозяин.

Здесь импровизированным штативом оказалась спиленная ветка, очень удобно торчавшая из шеста-подпорки прямо над головой уснувшего волка.

В баллон надо добавить рибоксин и панангин, чтобы поддержать сердце. Потом я поставила внутривенный синий катетер и подключила капельницу на самом медленном режиме. Искусственный сон – на шесть часов, будет течь жидкость и вымывать яд...

Чтобы процесс был эффективным, чуть позже надо ввести лазикс для стимулирования работы почек.

А сейчас меня вырубают сами. Черт, там, дома, уже по времени небось ночь прошла и к утру дело движется. А я еще со вчера спала не больше четырех часов... Нет, так не пойдет. Если я превращусь в сомнамбулу – начну лажать и пострадают пациенты.

– Он будет жить? – шепотом спросил Локс.

– Ты должен мне помочь, – сказала я вполголоса, но как можно отчетливей и настойчивей. – Сейчас я немного подремлю. А ты должен сидеть здесь, не шуметь и сторожить. Если Джой начнет просыпаться, разбуди меня быстрее, чем он проснется. Ты понял?

– Понял, госпожа целительница, – сказал Локс.

Я положила куртку на относительно невытопанную траву и вырубилась.

Глава 8

– Джой! Джой! – орал кто-то у меня прямо над ухом как ненормальный, а еще на меня, кажется, упал потолок вместе с яркой люстрой. Это что за...

Мягкие объятия сна нехотя отпустили, и только тогда я вдруг все вспомнила – клинику, пустырь, наркоманов, бронированного кота-ниндзю... иной мир.

...И отравленного иномирным стрихнином огромного волка, который должен спать! В тишине! Ну все, сейчас я сама кого-то загрызу. Сказала же, чтоб не смели орать и разбудили меня вовремя!

Когда я проморгалась, оказалось, что все еще хуже, чем думалось. Этот, который орал, обрушил палатку, защищавшую спящего волка от света. У меня спина похолодела, когда я подумала о том, что все мои труды напрасны и могучее благородное животное сейчас под этими упавшими тряпками снова выгибается в мучительной судороге.

Злость отошла на второй план. Надо спасать, разберемся потом. Я ринулась разгребать ворох ткани, надеясь, что еще успею. Разгребла. И обнаружила, что под тряпками никого нет.

Растерянно откинув ткань, я поднялась на ноги и огляделась. Вокруг собралась почти вся деревня, но больше никто не кричал, и вообще все стояли словно к месту пришитые. И смотрели мимо меня. Куда-то мне за спину.

Я резко обернулась и обнаружила в паре шагов от себя взъерошенного, очень бледного мужчину средних лет с бородой и волосами цвета «перец с солью» и янтарными глазами. А у его ног, привалившись мохнатым боком, лежал волк. Но не тот, которого я лечила, – этот зверь был гораздо меньше и... ну, просто волк. Не морф. Симпатичная серая морда, без намеков на человеческое лицо.

– Ты вылечила Джоя, – растерянно сказал у меня прямо над ухом Локс. – Прости, я не успел тебя разбудить, потому что он спал-спал, а потом взял и разделился и сразу вскочил... палатку уронил себе и тебе на голову. Хотел куда-то бежать, хотел драться, мстить. Еле успокоили.

– Уф-ф-ф... – Я выдохнула и потерла лицо руками. – Я опять забыла, что у вас тут метаболизм гораздо быстрее, чем у привычных пациентов. Так, мужчина. Пойдите в сторонку, мне надо осмотреть вашего зверя.

– А не меня? – Голос у Джоя оказался глубоким и гулким, как из бочки. И на удивление спокойным для человека, который столько мучился от отравления сильным ядом, потом чуть не умер, ожил, проснулся непонятно где и собирался подраться.

– Я ветеринар. Звериный доктор. Лекарь. Я гораздо лучше пойму, если со здоровьем будет неполадка у вашего волка, чем если у вас, – все это было сказано между делом, торопливо, поскольку мои руки уже были заняты разгребанием завалов тряпья над краденными припасами из клиники. Где-то среди них затерялся стетоскоп, который я сняла с шеи, прежде чем упасть спать.

Кажется, Джой мне не особенно поверил. И это естественно, если он не помнил последние часы в судорогах. Зато его зверь на удивление мирно отнесся к тому, что я не только подошла вплотную, но и полезла ему в пасть, смотреть цвет слизистой. И остальной осмотр волк перенес стоически, умудрившись пару раз очень щекотно лизнуть меня в ухо. Прямо как обычный дружелюбный пес. Правда, с превосходными клыками, вполне годными для моментальной ампутации не очень толстой руки.

– А нам уже можно разговаривать или дядьке Джою все еще нужна тишина? – робко спросил кто-то из зрителей.

– Можно. – Я разулыбалась от уха до уха. Волк был еще слаб, ему не помешает вколоть гамавит, если Локс его слямзил. Но опасность для жизни миновала совершенно точно. – Можно даже спеть! И сплясать. На радостях!

– Спасибо, великая глазния, – очень серьезно поблагодарил меня стоявший ближе всех парнишка. – А теперь ты сможешь полечить остальных итакари? Они все ждали, пока ты спасешь дядьку Джоя.

А не спасла бы – съели бы всей деревней? Ладно, не будем плохо думать о людях, пусть не совсем людях. Зато подумаем о своих потребностях.

Первая – пить. По дороге я слегка утолила жажду из пластиковой поллитровки, бутылка почти пуста. Пора прибегнуть к местным ресурсам. Помню, что в средние века водопровод и канализация иногда совмещались в одной канаве. Познакомиться с местной медициной не хотелось бы, даже если коллег-ветеринаров принимают без очереди.

Кажется, придумала...

– Я смогу полечить остальных итакари, – неторопливо ответила я. – Но сейчас мне нужно укрепить свои силы водой, нагретой до белых пузырей.

Не удивлюсь, если кипяченой воды здесь не обнаружится. Вдруг, едва абориген собирается затопить печку, итакари берет верх над человеческой составляющей, а животные огня не любят.

– Вам достаточно одного литра перегретой воды? – уточнил парнишка. Я махнула рукой – будет недостаточно, пусть принесут еще парочку.

Морфы шустро так, что не уследишь взглядом. Уже минут через пять на ровной площадке между двух кольев разгорался костер, а на поперечной жердине висел котелок. Лить воды, который в него влили, на глаз соответствовал пяти литрам.

– Госпожа целительница, вам, верно, и поесть охота, – сказала тетушка Долна. – Путь-дороженька долгой выдалась.

Я согласилась. Вода уже закипала, и если здесь дружат с огнем, значит, можно надеяться, что на обед мне не предложат сырых мышшей.

Так и оказалось. Уже скоро рядом с моим рюкзаком на огромном листе местной пальмы или лопуха лежали серые лепешки и запеченные фрукты. Лепешки – из грубо смолотого зерна, зато внутри кисловатой печеной дыньки была мясная начинка, и все оказалось очень вкусно, пусть и с поправкой на мой голод. К разочарованию аборигенов, я не стала пить кипятков, зато объяснила, что нагретой водой мне надо помыть руки перед едой.

Все это время я думала о несчастной Ариске. Она уже получила от меня таблетку кетонала плюс – хотя бы не так больно ждать. А подождать ей придется. Лечение переломанного крыла – всегда импровизация. Мне бы войти в рабочий ритм на случаях попроще и попривычней.

На десерт предложили корзину фруктов.

– Здесь нет вашей рискованной айквы? – спросила я.

– Айквы? – удивился пожилой человек-енот. – Разве ты не знаешь, что в айкве надо съесть ядрышко, чтобы было проще совершать переходы?

– Не знаю, – честно ответила я. – Я знаю, как вылечить больного, которого вам не вылечить. Расскажите мне про айкву, пока я этим занимаюсь.

Мой послеобеденный отдых состоял из двух случаев попроще, чем крыло, но актуальных. Девица-куница вернулась с ночной вылазки, раненная стрелой. Спасибо, не отравленной. От стрелы избавилась она сама, наконечник пришлось доставать мне. Дядя-бык получил резаную рану, не обработал, и пройди еще денек – понадобилась бы реанимация.

Я трудилась, накладывая шов, а заодно отвлекала пациента, спрашивала и слушала:

– У вас только айква такая труднодоступная?

– Не только она. Крылатые вишенки не каждый год рождаются...

– А как можно стать морфом?

– Это, милая, дело нехитрое: надо, чтобы отец-мать морфами были. Хитрое дело – итакари завести. Не у всякого выходит своего зверя встретить. Бывает, везет и найдешь осиротевшего возле гнезда или разоренной норы. Такой итакари будет с тобой особо крепок. А бывает и... м-м-му-у-у-у...

– Не мычи, пожалуйста, так громко. Еще два стежка – и будет порядок. А этот король у вас по соседству недавно появился?

Король, как выяснилось, живет здесь давно и не так уж далеко: «на верхушку этой горы залезь, так увидишь главную башню». Предшественник нынешнего короля пару раз домогался до долины Эраудэ и ее хозяина князя Студа с требованием полной покорности. Приходил в рогатом шлеме во главе войска, получал по рогам, мирился или удовлетворялся терпимой данью, в том числе полезными плодами.

Потом он долго не приходил – маялся болезнями от пьянства и обжорства – и ушел в мир вечного пира. Потом откуда-то издалека явился наследник, и тут о покойном монархе всплакнули непритворно. Наследник оказался очень сильным магом, что бывает редко, да заодно еще и морфом – что возможно такое, никто и не помнил. Создал постоянную армию, одетую в сталь от копыт до макушки, вооружил магическим оружием, например ручными камнеметами, да еще создал крылатый отряд из заморских морфов.

С таким противником помириться после долгой битвы уже не получилось. Оставалось покориться и подчиняться. И лишь иногда, с переменным успехом, похищать плоды из охраняемых садов неподалеку от селения.

Кстати, насчет крыльев. Пора заняться Ариской.

Глава 9

Я мысленно воззвала к духу великого Хэрриота и присела рядом с девочкой. Вообще, конечно, дело мне предстояло непростое, но пара мыслей, как с ним сладить, у меня была.

– Скажи, детка, когда я лечу рану твоего итакари, ты тоже выздоравливаешь, верно? – спросила я у Ариссы, терпеливо дождавшейся меня у самого ствола «больничного» дерева. Юная дева сидела, прислонившись спиной к шершавой темно-фиолетовой коре, и выглядела хотя и бледноватой, но вполне живой. И очень терпеливой.

– Наоборот тоже работает, – к моему облегчению, ответила девочка и даже попыталась улыбнуться. – Ты мне дала горькую косточку, стало меньше болеть и у меня, и у Ариссы. – Она кивнула на беспокойно дремлющего рядом филина.

А, ну да, у них же тут одно имя на двоих. Уф-ф-ф... ну что, приступим.

Сложность в том, что вылечить дикую птицу с переломанным крылом можно, но вернуть ей привычную подвижность почти никогда не удается. Если после выздоровления птица и будет летать, то она все-таки не достигнет прежней скорости и маневренности полета. Выпущенная на волю, она погибнет либо от когтей хищника, либо от голода. Особенно мало шансов на полное выздоровление у хищных птиц... но здесь-то у нас другой случай. Плюс надежда на повышенную регенерацию странных оборотней. А еще на то, что при разделении птица и девочка как бы отчасти «поделили» травмы. Например, у Ариссы-человека еще и ребра помяты, плюс здоровенная ссадина от левого виска до подбородка. И закрытый перелом руки. А вот у филина морда с клювом абсолютно целы, зато крыло... ой-ой. Кровь перепачкала весь бок и само крыло, значит, открытый... ладно.

– Сейчас я наложу тугую повязку тебе на ребра и шину на руку. А после займусь...

– Нет, сначала Арисса! – вскинулась девочка, и ее филин недовольно ухнул – то ли на нее, чтоб не прыгала, то ли на меня, чтобы не обижала, тут я не поняла.

– Тихо. Сначала я сложу твой перелом, и, возможно, это как-то повлияет на крыло твоей птицы. Тогда мне легче будет помочь ей и не заставлять ее страдать, понятно?

Девочка испытующе посмотрела мне в глаза и кивнула.

– Умница. Приступим. Локс, ты все принес, что я сказала?

– Да, госпожа лекарка! – тут же отозвался мой похититель и расхититель ветеринарных ценностей. – Вот полоски полотна, смолы немного, ровные деревяшки и лучина. Я все правильно сделал?

– Угум. – Я быстро разложила свои скудные припасы, присовокупив к ним местные перевязочные материалы. Так...

Через пятнадцать минут тугая повязка на ребрах была готова, а руку Ариссы я зафиксировала с помощью импровизированной шины. Выдохнула и повернулась к филину.

– Ну, малышка, надеюсь, ты мне нос с лица не склюешь, вон у тебя какое грозное оружие... Давай, покажи крыло. Тебя надо поддержать или сама не будешь вырываться? Ты же умница? – «Заговаривая клюв» довольно внушительной и страшно недовольной птице, я тем временем подхватила и развернула сломанное крыло. Уй...

– Тихо-тихо, красотка, не все так страшно, как выглядит, – ворковала я, стараясь не обращать внимания, как филин шипит и переступает когтистыми лапами в сантиметре от моих рук и коленей. – Ну извини, вокруг перелома придется выщипать оперение, а потом помазать йодом... Зато никакая зараза не заведется, обещаю! Во-о-от... Локс, подай вот это. – Я ткнула локтем во флакон с перекисью водорода. – И разведи этот порошок, он называется марганцовка, буквально три крупинки, в чашке вареной воды.

Филия-Арисса шипела на меня и периодически толкала здоровым крылом, но больное не выдергивала даже тогда, когда я ликвидировала мешающие перья и ощупывала на предмет

осколков. Слава богу, перелом был чистый, так что сложить косточки в правильное положение оказалось несложно. Труднее было прикрепить лучинки так, чтобы не было смещения, а потом еще уговорить здоровенную глазастую пациентку разрешить прибинтовать к туловищу оба крыла, потому что иначе, если я не держала раненую часть тела, она рефлекторно ей дергала, когда хлопала здоровым крылом.

– Умничка, теперь надо еще кетонал вколоть, – устало сказала я. С Джоем нервяков было побольше, но все прошло побыстрее. А еще к этой девчонке я успела почувствовать симпатию, в отличие от ее непутевого братца. Она же меня не похищала, не отрывала от... Стоп, никаких воспоминаний!

Она же и пострадала, защищая родню и соседей в неудачной вылазке. Кстати, я так и не поняла, стянули они то, что хотели, или, как говорится, пошли по шерсть, вернулись стриженными. Этак они еще раз намылятся в тот же проблемный сад, в ту же засаду. На сколько таких вылазок мне хватит перевязочных материалов?

Тем временем выяснилось, что местное солнышко тут не круглосуточное. Оно зашло по ускоренной программе, и настала ночь, к счастью нежная и теплая. Тотчас же на небе обозначилась местная луна, раза в полтора ярче, чем земная.

Спать пора, уснул бычок... Может, бычок с зашитым и обработанным бочком и уснул, но мне не спалось. Погода уж очень приятная, никакого желания стремиться под крышу.

Крыша, между прочим, образовалась: Локс и еще пара парней под добродушными понуканиями тети Долны соорудили небольшой шалаш или навес. Было забавно смотреть, как человек втыкает в землю заостренное бревнышко, потом сливается с чем-то мощно-копытным и, встав на задние ноги, вгоняет этим копытом бревно в землю, как свечку в праздничный торт.

– Крышу-то тебе вдвойне накрыли, – удовлетворенно сказала тетя Долна, показывая на широкий лист, – никакому дождю не прошибить.

Я поблагодарила за заботу. Дареному жилью на крышу не смотрят, хотя, милые мои когте-копытные, могли бы и спросить, такой ли мне домик по нраву, да и насчет места. Жить в десяти шагах от клиники, пусть и под открытым небом, я не собиралась.

Может, тоже прочли местный вариант сказки и решили: если добрый доктор Айболит под деревом сидит, то и жить должен под деревом? Спасибо, не на дереве. Я, пару раз оторвавшись от операций, оглядывала поселок и заметила несколько шалашей на ветвях. Для девицы-куницы самое то.

Хорошо, что, хотя мне и казалось, что я так быстро не усну, стоило прилечь на импровизированную постель – мне натащили каких-то вроде бы чистых одеял и соломенный матрас, – я просто выключилась.

И правильно, потому что, когда я утром проснулась и наскоро перекусила лепешками с сыром, оказалось, что очередь пациентов уже от дерева и аж дотуда, где мне не видно. К счастью, тяжелые случаи закончились еще вчера. Но всякого хватало, помимо застаревших шипов-заноз, не поддающихся человеческим пальцам. Ну так есть скальпель с пинцетом.

Звери шли, шли и шли, как к настоящему Айболиту. Вот не зря меня Чучундр в детстве Айболида называл, как в воду глядел.

Заканчивать прием я не спешила. Чувствовала: сразу же набегут непрошенные тяжелые мысли. Лучше как следует устать. Тем более день уже к концу, когда я там ела в перерыве и что именно – сама толком не заметила. Во мне, кажется, все еще жила надежда, что если вылечить всех поскорее, то меня отпустят домой...

– Ыш-ш-ш, ш-шаш-ш.

– Назовите симптомы человеческим языком, – не глядя сказала я.

– Уш-шаш-ш, шыш-шыш-ш-ш, у-у-уэ-э-эш.

Я оглянулась. На лечение пожаловал колючий холмик. Не, судя по высунувшейся розовой мордочке, холмик был вполне подвижный.

Не то чтобы я обиделась и рассердилась, но захотелось поворчать. Совсем обленился товарищ-домосед, решил выспаться, а своего итакари прислал полечиться. Представила, как в клинику явился бы кот без владельца и начал бы вылизываться, указывая на то, что ему следует отчихнуть.

Вот как удачу тебе пару иголок, небось двуногий примчится посмотреть, кто его эпилирует во сне!

Но дикоёжик ткнулся мне в руку розовой мордочкой, далеко убрав колючки, и я постыдилась такой садистской шалости. Попросила шагнуть в яркое лунное пятно... А, у нас все совсем не страшно. Попали задними лапками в сеть, где дотянулись – перегрызли, но остальные петли тебя, бедняжку, стреножили. К счастью, не так давно – ни ран, ни онемения. Все равно полоски от сети обработаю.

Ну, иди к хозяину.

Однако дикобразик не спешил. Он еще раз поглядел на меня живыми бусинками, ткнулся мордочкой. И отошел в темноту.

Похоже, я таки уработалась. Когда второй раз в этом мире стемнело, мне даже было лень зайти в шалаш. Но пришлось брать ноги в руки, ползти и падать. По дороге зацепила из деревянной миски у входа лист какой-то местной капусты, ощутила носом ароматную свежесть и успела заснуть, пережевывая его, как коза на грядке. Самое главное – до прихода тоскливых мыслей.

Проснулась я не от тоски. И не от луча солнца, дотянувшегося до моего лица. Этот луч я ощутила сквозь сон.

Проснулась же, потому что луч закрыла огромная крылатая тень.

Глава 10

Раис:

Я не раз слышал, что даже короли не властны над снами. Обычные короли, такие как мой отец, – да. Про них и рождаются пошлые пословицы.

А я – властен. Я мог бы превратиться во сне в парящую птицу, в солнечный луч, в безмятежно спящую заоблачную вершину. Или спать без снов.

Но я разрешаю снам выныривать из моей памяти. Они неприятны, это да. Зато после них приятно просыпаться. Например, такой сон...

...Непритязательное селение у подножия Серого Хребта. То, что дождь льет на него, когда над округой солнце, – самая мелкая неприятность для жителей. Морфов в селе раздва и обчелся, а если есть, то такие забавные варианты, как Заморыши. Итакари Заморышу не защита, он сам защищает его. Конечно же, не кулаками, но ведь можно быть все время настороже и убежать, спрятаться от шутников...

...Утро в селе после унылого вечернего пира. Взрослые спят, детвора играет. Мальчишки – в три камня и три палки, девчонки – в кукольную свадьбу. Заморыша мальчишки играть не берут, но и девчонки начинают над ним посмеиваться – не малыши. Еще два-три года – и начнут расти усы...

...В селение въезжает конный отряд под королевским стягом. Командир машет похмельным жителям – спите дальше. Те, кто нужен нам – дети, – и так на улице. К мальчишкам и девчонкам, построеным в ряд, подходит маг – очень слабый чародей, как потом узнает Заморыши. Но в его руке сильный артефакт – скляница с каплей королевской крови. Маг подходит к каждому подростку, бормочет, прикладывает грязную ручонку к стеклу, вздыхает, протирает ароматным платком, прикладывает опять. Подростки с усами в стороне – их проверили два года назад, совсем малышам еще не срок.

Заморыша чуть не обходят стороной – смеется даже маг. Но выполняет долг. Заморыши вздрагивают, фиал светится, доносится громкий струнный звук.

– Эвон оно как, – замечает выползший мужичок. – Вон почему малого иногда байстрюком кличут. Вот, оказывается, он чей байс...

– Бастард, – уточняет командир, подкрепляя уточнение оплеухой. – В седле умеешь? – спрашивает уже Заморыша.

Заморыши, вышедший из ступора, отвечает, что только бывал возницей.

– Все равно садись, к седлу привяжем, – говорит командир.

...Он едва успел подхватить из травы Риса. Общего сердца у них тогда еще не было. Да ни у кого в деревне не было – кто станет тратить айкву на смердов?

Самое приятное в этом сне для меня – рожи односельчан, выскочивших на улицу и глядевших вслед мне, внебрачному принцу, навсегда покидающему село.

Откуда им знать, что таких сел в королевских владениях – под сотню, а таких принцев при дворе взрослеет с полсотни. Потому что бастардам лучше подрастать, жить, ну и умирать под присмотром. В перспективе, когда-нибудь, один займет трон. Вот объявленного кронпринца не будет. Если существует законный наследник, всегда есть соблазн сесть на трон раньше времени, не у него, так у придворных интриганов, а король не такой пьяница, чтобы это допустить.

Есть и другой, более приятный сон. Такой приятный, что иногда мне хочется его себе приснить. Но я этого не сделаю. Пусть придет сам...

Звон мечей, свист тетивы, азартные «гррыд, гррык». Звуки доносятся со двора, там солнце и аромат цветов. Я, теперь не Заморыши, а Задохлик, слышу их из подвала, в небольшой компании таких же задохликов, коротающих время с учителем-магом. Для мечей и булав я не годен, а магия – почти не нужна. Много битв выиграно мечами, и ни одна – чарами. Слабые

заклинания выучить трудно, сильные – невозможно. Они скрыты в магических текстах, но их знатоки умерли. Попробуйте в полутьме продеть нить в пять игольных ушек, не сбившись. Сумели? Тогда беритесь за магические книги.

Потому-то старый учитель-маг не злится на учеников, щадит их головы и свои нервы. Что он может? Разве научить предсказывать дождь, глядя на облако, да и то с ошибкой в двух случаях из пяти.

Маг дремлет, ученики тоже. Не дремлет только Задохлик. Он должен сберечь своего итакари. Морфами при дворе иногда пользуются, но их не любят. А шутники-бастарды еще злее деревенских – могут бросить не только в воду, но и в очаг.

Потому что морф, владеющий магией, – это как курица с двумя головами. И как морф никудашка, и маг из него будет – селянам на смех. Ни тут ни там, ни туда ни сюда, везде пнут и посмеются.

И уж совсем плохо, когда за дело берутся бастарды постарше. Каждый из них мечтает о троне, каждый готов взойти по трупам соперников, а перед этим – поупражняться в жестокости.

Задохлик не знает, что вечером их с итакари ждет новая шутка.

– Кого повесить, тебя или его?

Задохлик отвечает: «Меня». И не ошибается – когда один шутник выбивает табуретку, второй перерезает веревку. Но не сразу. Вот смеху-то... Звереныша никто не стал бы спасать, потому что за него не накажут. А мальчишку пришлось – над жизнью и смертью своих бастардов властен только король, и, пока он не отдал приказ, за убийство слишком шустрому «наследнику» самому голову снимут.

Я резко сел в кровати. За маленьким окном с резными узорчатыми ставнями низко тлел рассвет. Рука сама потянулась к горлу. Темная полоса чуть ниже кадыка горела огнем, хотя прошло уже много лет. Она не исчезла даже тогда, когда мы с Рисом слились в одно сердце и остальные старые раны потихоньку рассосались. Память о том, как удавка сжимала горло дикой болью и ужасом, а где-то там, под ногами бастардов, бился и верещал маленький зверек, – это не сон. И хотел бы забыть, да не получается.

А может, и не хочется. Потому что тогда, почти умерев, мы с Рисом стали другими. Из-за чего, как – я сам много раз пытался найти ответ на этот вопрос. Пока не нашел. Зато запомнил на всю жизнь – именно в тот момент все изменилось. Пожалуй... надо досмотреть сон до конца. Потому что осталась самая приятная часть.

Лужайка под ярким солнцем. Все бастарды, кроме двух-трех, самых взрослых и серьезных, собрались поиграть в тунг или посмотреть на игру. Неожиданно к игрокам присоединяется Задохлик. Ругань и стон: забивала от удивления роняет тунг на ногу, а тот, хотя из кожи, тяжелей якоря рыбацкого челна.

– Давайте его не убивать. До конца, – с усмешкой шепчет кто-то.

Шутка понятна. В летописях упомянуты две смерти высокородных от ударов сильно пуценного тунга, а скольким людям попроще он вышиб мозги – ведомо богам. И вот за это не наказывают – несчастный случай во время игры, бывает.

Удары, ругань, смех. Наконец тунг летит в голову Задохлику. Замирает возле лица, качается. А потом, ускоряясь, летит к обидчику и сбивает его на траву. Не до смерти, но встать тот смог далеко не сразу.

Тунг продолжает полет. Кого-то бьет в голову, в плечо, в спину, ниже. С разной силой. Задохлик помнит всех, и каждый удар – по заслугам. А еще... тонг можно пустить и по второму кругу. Заманчивая мысль.

Почти все корчатся на лужайке. Один из игроков, скорее шутник, чем мучитель, ловит взгляд Задохлика, и в его собственных глазах отражается понимание. Тонг летит быстро, но мальчишка успевает броситься под ноги внезапно разбудившему свою силу магу:

– *Ваше высочество, пощадите!*

Впрочем, может, мне отключать сны? Я и так помню тот день. Свист тунга, стоны, мольбы.

Кстати, в тот же вечер я поговорил со вчерашними шутниками и предоставил очень добрый выбор: поцеловать мне ногу или лапу Риса. Странно, вчера, затягивая петлю, они смеялись одинаково, а выбор оказался разным. Они и потом, позже, когда настало время главного выбора, поступили очень по-разному. Наследником, единственным и неоспоримым, я стал уж очень не сразу, время на выбор было.

– Ваше величество, важное донесение! – Осторожный стук прогоняет остатки сонной задумчивости. Уже утро, пора начинать новый день и снова жить. – Есть вести с новых земель!

– Ши-и-и-и-и! – Рис высунул голову из-под одеяла и неодобрительно пошевелил пышными белыми усами в сторону двери.

– Просыпайся, лентяй. Будем завтракать, а потом ходим на реку, поплаваем. – Я пощекотал меховое пузо зверя и вскочил с кровати. Важное донесение с новых земель? Это интересно.

Глава 11

Лидия:

– Прием пернатых по предварительной записи, – сонно пробормотала я.

Протерла глаза, пригляделась, высунулась из шалаша. И ощутила себя, будто я в клинике, а вместо особо скандально-требовательного посетителя пожаловал городской ветнадзор. В лице главного инспектора.

С лицами как раз было непросто. Над площадью Одинокое Дерева кружили восемь крыломонстров. Сперва мне показалось, будто это восемь огромных орлов, но, несмотря на шок первых секунд, я все же отметила, что одна из птиц крупней и рослей прочих – вроде гигантского аиста. Такой птиц используется не для транспортировки младенцев, а доставляет на усыновление вполне взрослых дядь и тетя с избыточным весом.

К орлам подошло бы подобное сравнение. Каждый из них, посетив отару, не стал бы размениваться на ягненка, а зацепил бы сразу барана поувесистей.

К сожалению, судя по диспозиции птиц, сомнений быть не могло: они прибыли не за овцами, а за дичью покрупнее. Три орла коснулись почвы, после чего разделились на пернатых хищников, все равно весьма крупных, и воинов в латах. Их шлемы заканчивались орлиными клювами, у одного – с золотым ободком, должно быть начальник. Остальные орлы и аист парили над головой.

Чучундр одно время увлекался боевиками про всякие спецназы. Передо мной повторилась такая же картинка: десант внизу, вверху летучее прикрытие. Только вместо оглушительного рева вертолетных винтов – хлопанье крыльев и негромкий орлиный клекот.

– Вы та целительница, которая недавно вылечила сломанное крыло? – учтиво спросил командир, делая шаг к моему шалашу.

Еще вчера утром я чистосердечно ответила бы «нет» – я его еще лечу. Но к вечеру Арисса заглянула ко мне, и я не поверила глазам: крыло ее фильки было цело. Кости срослись! Неужели же вся беда здешних обитателей в том, что они не умеют правильно сложить перелом и зафиксировать его?! А похоже...

Конечно, в нормальной клинике нужен контрольный рентген. Конечно, она получила совет – не махать крыльями еще дня три. Но как мне показалось, если бы ей понадобилось сейчас взлететь, она бы взлетела.

– Да, – ответила я и добавила, не удержавшись: – Ваши крылья целы. Надеюсь, вы не намерены их сломать?

– Нет, госпожа. Мы намерены доставить вас к королю, – сказал офицер.

Как-то уж очень резко. За одну секунду одинокое дерево и кривоватый шалаш показались мне родным домом, а морфы-пациенты – близкими родственниками. Кстати, не захотят ли они повоевать с пришельцами за свою целительницу? Судя по всему, особой законопослушностью они не отличаются...

Действительно, я увидела «родственничков», но в отдалении. Что интересно: и Арисса, и Локс, и тетя Долна, и дядя Джой наблюдали происходящее порознь от своего итакари. То есть сами толпились возле выхода на площадь из одного проулка, но зверушек с ними не было.

Один из орлов вышел из своего облетного круга и направился к морфам. Жители селения попятились и скрылись в прилегающих улицах.

– Как видите, – усмехнулся командир, – они не очень хотят попроситься с вами. Прошу. – И он махнул рукой туда, где трава на поляне пригибалась от ветра, создаваемого взмахами гигантских крыльев.

Гулливеровский аист сел, но раздваиваться не стал. Я увидела упряжь и огромный закрытый гамак из кожаных ремней, прикрепленный точно вдоль живота птицы. Когда она летала

в небе, выделяясь на фоне его контрастным черным силуэтом, таких подробностей видно не было.

Пожалуй, предстоит очень неприятный аттракцион. Меня в самолете всегда укачивало... А что делать? Может, хотя бы покочевряжиться для порядка?

– А нет ли другого варианта? – спросила я, оглядываясь в поисках путей отступления. Чем черт не шутит, может, ломануться в кусты, а там огородами обратно к рыжим скалам и попробовать побиться о них лбом – вдруг меня пропустит сквозь камень, и прямо домой?

– Есть, – кивнул воин. – Я могу предложить вам вот такой вариант. – Он поднял руку и сделал какой-то знак. Я сначала даже не поняла, кому именно, а потом...

Один из орлов спикировал в переулочек, оттуда послышался короткий визг, возня, а потом птиц взмыл в воздух и тяжело полетел над крышами, над поляной, держа в когтях кота Локса. Локс бежал следом и кричал.

– Вашу мать! – крикнула я еще громче. – Да ваше же... отпусти зверя, гад! Поняла я все!

Видимо, у незваных гостей была какая-то невидимая радиосвязь. Орел выпустил кота, тот упал на траву, перекувыркнулся, вскочил на ноги и, к моей радости, умчался в сторону Локса как ни в чем не бывало. Вроде не ранен...

– Это другой вариант, но я по-прежнему предлагаю вам путешествие в воздушном экипаже, – спокойно заметил офицер, словно я и не орала на него, поминая предков по женской линии.

– Чтоб вам провалиться, – вежливо сказала я. – Полетели.

Воин кивнул. Я сунулась в шалаш, оглядела свое имущество, чуть не всплакнула от обиды и досады. Только чуть-чуть устроилась – и надо же. Даже попросила выкопать яму – хранить диоксидин и прочие препараты, требующие сухого прохладного места. Не холодильник, но лучше, чем на солнцепеке. И вообще... у меня оставалась какая-то подспудная надежда на то, что пока я поблизости от места перехода – у меня есть шанс. А теперь и с ней придется попрощаться.

Прощай, ямка, прощай, шалаш, здравствуй, не знаю что...

Тьфу! Скорей бы собраться, чтобы не разреветься, как последняя клюкса. А ну! Лида! Сжала зубы – и вперед! Мало тебе по жизни прилетало неприятностей? Сумела же преодолеть? И сейчас справишься без этого мокрого дела. Хотя, может, к королю заплаканными и являются. Не знаю, чего ему надобно, вот моя просьба известна: «Ваше величество, отправьте меня обратно-о-о-о!»

Чтоб не зарыдать, поскорее побросала в рюкзак свои немудреные пожитки и выскочила из шатра. Те вещи, что мне принесли жители деревни, мешок какой-то местной картошки, которую можно есть сырой и по вкусу похожей на помесь морковки с жареным каштаном, – все оставила. Здесь небогато живут, им пригодится.

Но похоже, эти соображения ничуть не волновали моих крылатых пленителей. Один из воинов нырнул в шалаш и через минуту вытащил битком набитый мешок – тот самый, из-под «маркошки». Кажется, он не глядя запихнул туда все, что нашел. Этот мешок был заброшен куда-то в «грузовой отсек» позади гамака.

В ту же секунду другой воин достал из красной сумейки, прицепленной к поясу, камушек и кинул на крышу хижины. Камень зарделся и задымился еще в воздухе, прожег листья, послышался жадный треск. Ну и в чем смысл этого ритуального сжигания шалаша? Это же времянка... за пять минут можно построить новую. Хотя, конечно, как символический жест – оно понятно. Это такая угроза на будущее для жителей села. Их дома тоже деревянные.

Вот прямо заранее я чего-то не симпатизирую королю, практикующему подобные методы управления. Фу таким быть.

Птица оттолкнулась от земли мощными лапами и взмыла в воздух, хлопая крыльями так громко, что у меня заложило уши. Внизу остался веселый костерок на месте моей импровизи-

рованной клинки, крона большого дерева и все село. Да уж, мосты сожгли, корабли затопили, вздохнула я, вцепившись в кожаные петли.

Глава 12

Полет неожиданно оказался комфортнее, чем можно было предполагать. Для начала меня не укачало. Уф-ф-ф, радость-то какая, аж в рифму. Трясло умеренно поначалу, а потом не трясло совсем. Веревки, из которых был сплетен гамак, канатной толщины, казались надежными, на взгляд и на ошупь. Пернатая эскадрилья не стремилась к облакам, и если и поднималась, то лишь чтобы обогнуть горную вершину. Вдобавок один из орлушей летел вниз, судя по всему изображая что-то вроде воздушной страховки. Чтобы скогтить меня, если канатная колыбелька окажется ненадежной. Или я как-нибудь ее прогрызу, окончательно подвинусь башней и выпрыгну.

Вид сверху идеально подходил для компьютерных заставок. Разноцветные рощи, луга, украшенные россыпью цветов, озера безупречной синевы, зажатые в скалах. Мы облетали водопад так низко, что я ощутила прохладу и радужную водяную пыль. Вот прямо сиди и наслаждайся, так нет же, закон подлости – он и в другом мире закон. Вместо радости по поводу прекрасных видов – тревога за свою судьбу, за оставленных в другом мире родных и друзей, за Чучундра... а теперь еще и за жителей деревни. Вот что за гадство-поганство?!

Хороший туристический аттракцион, да? Ага. Вот только что впереди? Турист после него возвращается в отель. А меня ждет какой-то дворец, наверное? Королю, к которому меня тащат, по идее положен дворец. Или замок. Чтоб он им подавился, морда коронованная... Мой шалаш под деревом сейчас казался куда привлекательней любых средневековых архитектур. Впрочем, он все равно сгорел...

Из-за этих грустных мыслей я не сразу заметила башни на склоне холма. Золотисто-розовый камень, матово-шершавый на вид, я такой на юге видела, называется, кажется, ракушечник. В первый раз вижу, чтобы такие пузатые и грозные на вид башни были построены из такого несерьезного материала. Нам что, сюда? Ага. Орлы устремились именно в этом направлении.

Все оказалось предусмотрено: аист сел на жердочку, точнее, толстое бревно, торчавшее между двумя башнями, а колыбелька замерла над поверхностью птицедрома. Здесьние продуманные хозяева еще и обеспечили себе мягкую посадку, устлав ее надутыми кожаными мешками.

Тотчас воздушную переноску открыли двое молчаливых слуг. Я выбралась сама и пошла следом, сначала по открытой площадке, потом по темным коридорам, стараясь не шарахнуться о какой-нибудь особо коварный выступ. Один из слуг шел впереди, другой слегка пыхтел за спиной – тащил мое имущество.

Почти пятизвездочный отель. Ага, вот только для извращенцев-клаустрофилов и особых любителей темноты.

Блин, зачем так жить? У морфов все на солнышке, на ветерке, в тени уютного дерева. А здесь?! Развеселый розовый камень оказался обманкой – то ли просто облицовка, то ли изнутри он так плохо выглядит и ощущается. Но коридоры были темными, сырыми и неприятными. Добровольно я б в такое место ни в жизнь не полезла. Так нет, король на мою голову! Чтоб его короной внутрь вывернуло... Мало того что коронованный мокриц поселился в пещере, так и других сюда тащит. Назад хочу!

Пока я мысленно ругалась и желала всяких экзотических глистов тому, кто без спроса вмешивается в мою жизнь, мы наконец дошли до холла, освещенного парочкой узких и бестолковых окон под самым потолком.

– Ждать, – распорядился сопровождающий. Вежливый какой, надо же. Как собаке команду отдал.

Глаза привыкли, я огляделась. Пространство выглядело очень уж экономно и бюджетно, даже нет стула. Сколько ждать-то?

Внезапно в противоположной стене открылась дверь.

– Войти, – донесся голос. Ну, хорошо хоть, не «лежать» или «служи».

Дважды приглашать меня, впрочем, не требовалось. Впереди по крайней мере светло. Да и смысл упираться?

Действительно, новый зал был освещен большим потолочным окном. Я замерла в этом свете, прищурившись с отвычки и не зная, куда идти дальше.

– Теперь я понял, почему тебя называют глазиной.

За день до этого. Раис:

Купание пришлось отложить. Я позавтракал фруктами и орехово-медовыми лепешками и решил ознакомиться с новостями.

Прислуга шепчется, что я ем фрукты, так как их труднее отравить, чем другую еду. Конечно же, мне никто не доносит – я сам, как только пожелаю, слышу любой шепот за тридцать шагов. Все же в существовании странного монстра и смеси морфа-мага есть свои плюсы.

Пусть шепчутся. Фрукты я просто люблю – в детстве мне доставались только окончательно загнившие паданцы. Да и то не всегда: тетка говорила, что отдать их чавк-чавкам – больше пользы и мяса зимой. Ну а про орехово-медовые лепешки я тогда только слышал. И иногда чувствовал их запах, когда Старший привозил родным детям гостинцы с большой ярмарки в Синегорье. И только когда я из деревенского, никому не нужного байстрюка стал королевским bastardом – я их увидел. Правда, попробовать все равно не довелось: такую ораву мальчишек баловать – казны не напасешься.

Теперь ем, сколько захочу. Жаль, обычно хочу немного. Теперь неинтересно...

Что же касается отравы, то в тайной библиотеке есть энциклопедия ядов в трех томах. Во втором описано, как и чем можно отравить самый свежий и манящий фрукт. Сам я никого травить не собираюсь, но и со мной не пройдет – яд, как и любую опасность, определю, как и шепот, за тридцать шагов. Кое-кому из слуг уже пришлось на себе ощутить результат. Казнить не стал, заставил съесть одну из лепешек. Потом прохвост получил противоядие, в обмен на имя заказчика. И пинка за ворота.

Что же касается заказчика... Неприятная история... Хватит воспоминаний, пора узнать новости.

Докладывал Гонрад, старый камердинер покойного короля. Между той памятной игрой, когда передо мной первый раз встали на колени мои же братья по отцу, и коронацией прошло восемь лет. На пути к трону я видел многие вещи снизу и запоминал.

Например, то, что Гонрад всегда накрывал отца-короля плащом, когда тот раздевался в пьяной пляске и падал на каменные плиты двора в одной нательной рубашке. Гонрад получал за это наутро монетку и частенько подзатыльник или тычок на закуску. Когда король упал, чтобы больше никогда не встать, старый камердинер опять накрыл его плащом, уже не надеясь на плату. И сел рядом, охраняя покой своего мертвого господина вплоть до того часа, когда за ним пришли служители неба. Другие слуги в это время рыскали по королевским покоям в поисках наживы.

Я тогда не стал наказывать никого, только воспламенил похищенное в их карманах и изгнал из дворца, а Гонрад остался. И в первое же утро принес мне выстиранную, выглаженную одежду и подал теплую кашу с молоком в глиняной миске. А ведь ни прачек, ни стряпух в замке тогда почти не осталось. Я оценил. И потом еще какое-то время приглядывался. Потом сделал выводы. И Гонрад был повышен до секретаря. То есть – моего доверенного человека.

– Важное донесение с новых земель, – доложил он, выкладывая на стол половинки листов с короткими сообщениями дозорных. Я долго приучал командиров десятков излагать события кратко и по существу. Долго... потому что сначала многих из них пришлось учить читать и писать.

Глава 13

– Сначала новости с побережья. – Я отодвинул листы с внутренними донесениями, они были заметны в общей пачке по цвету печатей. – Никаких следов Роя?

– Так же, как и вчера, – неторопливо ответил Гонрад. – Патрули облетают границу суши и моря, но не видят признаков. Про патруль, решившийся осмотреть Малые острова, известий нет.

– Плохо. – Я нахмурился, бегло проглядывая записки одну за другой. – Мой приказ – усилить патруль. Я сам снаряжу его – вооружу амулетами, чтобы он увидел, что происходит на островах, и смог вернуться.

В прошлый раз разведчиков Роя заметили в тех краях. Патрульные заметили, но умчались, не приглядевшись. Я не наказал воинов за такую поспешность: хорошо, что сумели остаться в живых и рассказать.

Гонрад молча поклонился. Я кивнул: не сомневаюсь, приказ будет исполнен в кратчайшие сроки и без ошибок.

Теперь можно было просмотреть донесения с внутренних постов.

– Так что же произошло на новых землях? Жители поклялись не нападать на королевские угодья? Уроков было достаточно?

– Пока нет, – улыбнулся Гонрад, – но после одного из уроков произошло любопытное событие. Патруль заметил, что жители нескольких окрестных селений чем-то встревожены или, наоборот, обрадованы. Некоторые из них, по нашим наблюдениям, брали своих итакари и шли в Рачью Падь – это та деревня, что ближе всех к ущелью морфьих яблок. Нам удалось незаметно подослать в эту толпу своего человека, и он выяснил очень интересные вещи. Там объявилась пришедшая с той стороны, или, как говорят местные, «появленка».

– Во-о-от как? – Я быстро отложил остальные донесения, которые быстро просматривал во время доклада. – Это действительно интересно.

– Она явно пришла на зов, как и положено. На этот раз – лекарка. Несколько местных морфов выздоровели неожиданно быстро именно благодаря этой целительнице. Среди исцеленных была птица со сломанным крылом.

– Что? – Я аж привстал. – Доставить ее сюда, немедленно!

Гонрад опять кивнул и без лишних разговоров вышел. Я улыбнулся и еще раз похвалил свой выбор. Другой бы спросил: «Кого доставить, целительницу или морфу?» Мой секретарь, или сенешаль, понимает с одного слова.

И вот она передо мной. Если верить докладу старшего Крыла, женщина не особо хотела лететь, но и не сопротивлялась. Особенно когда старший Крыла продемонстрировал, что бывает с непослушными морфами на моих землях. Испугалась? Почувала выгоду? Посмотрим.

Я откинулся в кресле, ожидая, когда необычная гостья выйдет из темного дверного проема на свет. И в первую минуту даже немного опешил. Такая... маленькая? Это точно пришелица, владеющая секретом исцеления крылатых?

Да, у нее на лице стеклянные глаза поверх своих собственных. Она. Но я все равно был несколько разочарован.

– Теперь понял, почему тебя называют глазиней.

Маленькая женщина в странных штанах и куртке из незнакомого ярко-красного материала, мягкого и чуть пушистого на вид, сняла стеклянные глаза, протерла их полкой своего одеяния и надела обратно. Явно для того, чтобы лучше рассмотреть меня.

– Я так понимаю, у вас тут есть птица со сломанным крылом. – Голос у нее оказался спокойный, четкий и... мне показалось, что эта женщина привыкла отдавать команды и ждет, что их будут выполнять, причем сразу и бегом. – Где пациент?

– Кто? – немного удивился я и в следующую секунду понял, что она требует предъявить ей раненого, раз уж так срочно позвали. То есть она решила...

– Ты здесь для того, чтобы лечить пострадавших, это верно, – сказал я, выдержав паузу и смирившись с тем, что эта женщина не только не склоняет голову, но еще и имеет дерзость смотреть мне прямо в лицо, не отводя взгляд. – Но не только ради этого.

– И ради чего же еще? – ожидаемо спросила малорослая и такая слабая на вид пришелица. Спросила опять же спокойно, но с ясно различимой ноткой усталого неудовольствия в голосе. Словно я мальчишка, отрывающий от дела занятых людей.

– Ты обо всем узнаешь в свое время. – Я вдруг почувствовал раздражение. Тоже мне... Откуда у нее такая самоуверенность? Или она действительно необычайно сильная целительница, привыкшая ко всеобщему поклонению? Тогда почему она не одернула моих воинов еще там, в деревне? – А сейчас иди. Слуги покажут тебе комнату, в которой ты отныне будешь жить. И сразу предупреждаю: не пытайся бежать. Все равно отсюда не уйти никому, у кого нет крыльев.

– Я могу получить мои вещи? – все еще спокойно спросила женщина, не торопясь выполнять мой приказ. Да, ей еще придется этому научиться, потому что я не терплю, когда мои указания выполняются кое-как и с оговорками. Но не сейчас. Есть более срочные дела, а эту... нахальную лекарку все равно сначала предстоит проверить. Может быть, мои соглядатаи переоценили ее умения. И нахалку придется через пару дней выкинуть обратно в деревню, чтобы не проедала зря королевский хлеб.

– Тебе принесут все в комнату, – отрывисто бросил я, вставая с кресла и больше не обращая на лекарку внимания. Только щелкнул пальцами, отчего медный гонг над входом в залу издал долгий протяжный звон. Повинуясь этому сигналу, позади лекарки возникли два морфа из моего личного Крыла и положили руки ей на плечи.

Я ждал, что она хотя бы теперь испугается. Или согнетса под тяжестью латных перчаток на руках самых мощных и высоких морфов в крепости – я специально таких отбирал в свою личную охрану. Но нет. Хм...

– Отведите ее в башню. Принесите ее вещи, а также покормите ее. Дверь закройте на ключ.

И именно в этот момент крепость вдруг вздрогнула, колыхнулись висящие под потолком стяги и задребезжали стекла в деревянных рамах окон. Оглушительно громкий удар колокола повторился раз, второй, третий... набат! Тревога!

– Ваше величество! – В зал, оттолкнув моих телохранителей и лекарку, ворвался Гонрад. – Патруль с островов! Срочные вести! Только что Михайр упал во внутреннем дворе, не дотянув до приемной башни! Он ранен и не может разделиться, но принес Веритая, тот без сознания! Михайр успел сказать, что должен срочно вас увидеть, и тоже ушел в сумеречную зону.

Я коротко рыкнул от злости и тревоги, отбросил свиток, который секундой раньше взял в руки, и стремительно кинулся из тронного зала во внутренний двор. Притормозил только на мгновение около пришелицы:

– Ты идешь со мной! Вот и посмотрим, стоишь ли ты хоть чего-то как лекарка, или с тобой придется обойтись как с шарлатанкой!

Глава 14

Лидия:

Если меня обижают, я стараюсь не злиться. Когда в первом классе Степка Сурков залепил мне в очки жеваной промокашкой из трубочки, а я вылила ему компот за шиворот, то потом долго объясняла: если бы я на него злилась, вылила бы горячий суп. А так я нарочно старалась, чтобы ему больно не было. Взрослые меня поняли не все. Понял Степка, и это главное.

Так вот сейчас я разозлилась. Ладно, меня утащили из моего мира (не думать о Чучундре и маме, иначе злость перейдет в истерику!). Утащили, вынудили лечить неведомых зверей. Ладно, понимаю немножко – им плохо было, нужна была помощь. И что дальше?

Только я чуть обустроилась, нате вам через забор, явились военные орлуши, чуть ли не в начищенных сапогах со шпорами. Поломали мой скромный медпункт, напугали моих новых друзей и опять утащили, спасибо, не в когтях.

Думала, у них и правда проблемный пациент – реально поломанный орлуша, когда проще врача на дом, чем больного в клинику. Счас! Устроил дешевое шоу – визит к страшному властелину, Диктатору Тирановичу. И это ожидание в потемках. И сам кабинет – я стою под окном-фонарем, вырезанным в потолке. Он сидит в полумраке. Ключевое слово – сидит. Не то чтобы я фанат разных галантностей, но если у вас тут короли, рыцари и прочая хрень, то я, должно быть, дама, а даме тоже как минимум положено предложить сесть... или встать самому, как вежливому человеку.

В глубине души я осознавала, что моя злость не то что неуместна, а может быть и опасна. Фильмов и сериалов про средневековье я смотрела не очень много. Однако понимала, что при дворе такого Тираныча трудно встретить омбудсмена или адвоката, зато палач – всегда под рукой. И не стоит нарываться там, где можно не нарываться.

А фиг с ним, с разумом. Жертву изображать не буду, не дождутся. Поэтому, войдя в кабинет и еще толком не приглядевшись к затененному собеседнику, но услышав его реплику насчет моих очков, я с сарказмом сказала:

– Я так понимаю, у вас тут есть птица со сломанным крылом?

А перед этим демонстративно протерла очки. Надеюсь, Тираныч понял незаданный вопрос: «Если этой птицы здесь нет, то на какой такой меня сюда притащили?!»

Интонация интонацией, но само предложение можно было расценить как робко-заискивающее. Поэтому я резко добавила:

– Где пациент?!

– Кто? – удивленно спросил собеседник.

Так-с, вот мы и выведены из равновесия. Не буду нагнетать, тем более отвечать рифмами про деда Пихто и коня в пальто. Позволим догадаться самому, заодно и разглядим. Если шагнуть чуть вперед, солнце перестанет бить в глаза и Пластилиновый Пластилин всех орлов проявится из полутьмы, как в старые времена черно-белая фотография в ванночке с нужными реактивами.

Я и правда шагнула, всмотрелась и немного удивилась. Почему-то была уверена, что местный король – это злой, самодовольный мальчишка. Ну, раз он, по некоторым обмолвкам морфиков из деревни, королем стал недавно и так и называется среди них – новый. Вроде как решительный, храбрый, этого не отнимешь, но злой. Жил в тени пьяницы-отца, злился на него и остальной мир, мечтал отомстить. Теперь играет с живыми существами как с глиняными фигурками.

Ну так вот, насчет мальчишки – это я погорячилась. Передо мной сидел вполне взрослый мужчина. То есть молодой, конечно, но именно мужчина, не мальчик и не юноша. Да, зажатость и напряженность ощущалась. Но подростковой бравады и злости – не видно. И я, стоявшая

перед ним – спасибо, не требует говорить «ваше величество», – была для него не игрушкой, а чем-то интересным. Или проблемой, с которой следует разобраться.

Вот глаза были совершенно пацанячьи. Любопытные и нетерпеливые, хотя и утомленные, как от долгого чтения. Кстати, интересно, почему его называют не только новым, но еще и Пустоглазым? Взгляд вроде нормальный.

Я ожидала, что на голове собеседника будет корона. Или какой-нибудь венец. Но его величество не нуждался в мелких знаках, подчеркивающих статус. Темные волосы слегка вились и падали на плечи довольно густой волной, ему даже шла эта легкая небрежность. Подчеркивала волевой подбородок и хорошей формы прямой нос.

А еще король кого-то напоминал. Пока я не могла с этим разобраться. Да и не ко времени. Не то чтобы моя злость растворилась совсем. Ее разбавило удивление.

– Ты здесь, чтобы лечить пострадавших, это верно, – то ли спросил, то ли сам с собой согласился король.

«Нет, чтобы гулять и загорать под вашим солнышком», «пострадавших от ваших воинов» – два грубых ответа вертелись на языке. Но я удержалась от грубости. Совсем уж явно. Только строго спросила:

– И ради чего же еще?

Его величество малость опешили. Потом изволили сердиться. Не капризничать, как обиженный мальчишка. Но неудовольствие показали. Сказали, что я обо всем узнаю в свое время, а сейчас будь добра, изолируйся в отведенные апартаменты. Да, еще бежать не смей, пока крыльев не отрастишь.

И всего-то? Я приготовилась отвечать, откуда такая взялась и какого ради собачьего хвоста исцеляю тех, кого его величество изволили покалечить. А тут – «аудиенция окончена».

Но король явно в гневе, зачем раздувать? Поэтому я не стала шутить: у вас тут и с крыльями не всегда улетишь – ломают. А только скромно спросила, могу ли получить свои вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.